

Ирина Андреевна Федосова

Художники и фотографы — современники И. А. Федосовой — оставили несколько ее портретов. С белого листа бумаги смотрит живая, умная, добрая и одновременно лукавая старушка. На коленях спокойно лежат большие натруженные крестьянские руки. Лицо избороздили морщины. Она похожа на мать или бабушку, к которой хочется поехать в гости, посидеть с ней в тихий летний вечер на крыльце и поговорить обо всем, что случилось в моей жизни в последние годы. Мы живем другой, суетной городской жизнью, которой она не знала, но она обязательно поняла бы нас.

Глядя на портрет, забываешь о ее славе. А ведь она действительно одна из самых знаменитых и талантливых русских женщин. О ней писали и ею восхищались известнейшие русские писатели, музыканты, артисты, ученые, общественные деятели второй половины XIX века. Этому не помешала ни ее неграмотность, ни то, что большую часть жизни она провела в далеком заонежском селе.

Об И. А. Федосовой, так же как о Т. Г. Рябинине, мы узнаем с детства. Отрывки из записанных от нее причитаний публикуются в школьных книгах для чтения. В них печатается ее портрет. Мы помним отдельные строки из известного «Плача о старосте», вспоми-

Ирина Андреевна Федосова

наем слова, сказанные о ней А. М. Горьким. В старших классах учебник по литературе снова напоминает об И. А. Федосовой в главе о Н. А. Некрасове. Плач Матрены Тимофеевны по Демушке в поэме «Кому на Руси жить хорошо», как сказано в примечании самого поэта

к этим строкам, «взят почти буквально из народного причитания». Некрасов имел в виду один из плачей Федосовой.

Когда в студенческие годы я первый раз стал читать сборник Е. В. Барсова «Причитания Северного края», в котором опубликованы записи И. А. Федосовой, я понял — явление это незаурядное и мне надо познакомиться с ним повнимательнее и поподробнее. Тогда, как, впрочем, и позднее, мне хотелось понять, как возникает поэзия или искусство из повседневности. Былины, которыми я до этого занимался, не давали прямого ответа на многие вопросы, которые волновали меня. В былинах все происходит в далеком прошлом. Из тьмы времен ярким лучом эпического сознания, как на сцене прожектором, высвечиваются мощные фигуры богатырей, сражающихся с врагами отчизны. Былины — это победный праздник, в них все ярко, крупно, преувеличенно и вместе с тем все так не похоже на традиционный повседневный быт северного крестьянина.

Причитания — совсем иной мир. Здесь не терем, а изба, не степное чистое полюшко, а каменистая нива в лесу, не богатыри и поляницы, а мужики и бабы с их обычными человеческими заботами, болями и горестями. То, о чем рассказывалось в причитаниях, было обычно и одновременно значительно. Умирает муж, глава и кормилец семьи, вдова остается одна с детишками. Она потрясена, скорбит, напугана неясным и безрадостным будущим. Речь идет не о судьбе княжества или государства, как в былинах, но и здесь есть своя человеческая значительность, решается судьба крестьянской семьи. Вдова говорит о себе и своих детях. Она вся погружена в бытовые заботы, но этот быт изображается в самый трагический для семьи момент. Ничто не преувеличено, не приподнято, но все резко, сильно, выразительно. Вдова заходится слезами, она, как гово-

рят в Заонежье, «обмирает» от горя. Здесь нет ничего от игры, роли, позы. Каждое слово должно быть кстати.

Причитывающая женщина выговаривает свое горе пословесно, в этом ее счастье и беда. Что может быть тяжелее немых слез и бессловесных рыданий? Но и сказанные слова не успокаивают, не ослабляют горя, они его обостряют, доводят до предела, до такой степени концентрации, какую человек едва в состоянии выдерживать.

Все, что произносит вдова, рождено ее собственным горем, в которое еще не верится, но которое уже произошло. Вместе с тем эти же строки причитаний когда-то уже произносились другими женщинами, они созданы и накоплены многими поколениями предшественниц. Помогавшие другим в беде, они приходят и ей на помощь.

Оттого, что почти каждая строка причети уже когда-то произносилась, она не становится ни искусственной, ни чужой. Вдова как будто примеряет чужое траурное одеяние, и оно как бы прирастает к ней, становится ее собственным. Причеть в эту минуту подобна простейшим словам, которые издавна существуют, но которые вдруг приобретают исключительно личностный, сильный и выразительный характер. Сила и точность их в том, что они сказаны вовремя, без них не обойтись. Они наполнены смыслом, как простое и бесконечное число раз повторявшееся «я тебя люблю», когда оно порождено подлинным чувством и говорится любимому человеку. Так же как «он умер» или «родился», «он уехал» или «кровь». Сказанные вовремя, они уже не просто слова из словаря, они светятся, намагничены, способны вызывать взрыв чувства. Причитания больше, чем эти простые слова, эта целая поэтическая система, возникшая по тем же законам.

В старой русской деревне, особенно севернорусской, уметь причитывать должна была каждая женщина.

Если невеста не умела причитывать на собственной свадьбе, не могла, как требовал того обряд, оплакать «пословесно» умерших родителей или мужа, уходящего на военную службу (тем более на войну!), отца, брата или сына, ее считали никчемной и бесчувственной. Таков обычай, существовавший столетиями. Он создал целый слой русской народной культуры, отразивший невероятную тяжесть былой крестьянской жизни, — женские элегические импровизации. Я помню, как был поражен, когда в студенческие годы впервые узнал об этой традиции. Невольно возникали самые различные сопоставления прежде всего с обязательным умением писать стихи, которое культивировалось в традиционных учебных заведениях старого Китая, Индии, Персии, средневековой Европы... Однако там речь шла о людях образованных, поэтическое умение считалось частью риторики или элоквенции — искусства ученого красноречия. А здесь неграмотные женщины! Позже я узнал, что так было у всех народов, у которых были развиты причитания, и особенно у тех, у которых бытовали причитания не только похоронные, но и свадебные (из славян преимущественно у русских; у некоторых финно-угорских народов — карел, коми, мордвы и др.).

Конечно, какова бы ни была сила традиции, с умением причитывать — сочинять стихи в процессе их произнесения — не рождались, этому надо было учиться. И женщины учились всю жизнь, так же как некоторые мужчины учились исполнять былины. Однако былины пели только некоторые, а причитать умели все женщины. Учились причитывать с детства на свадьбах, похоронах, в «родительские субботы» на кладбище или в дни проводов рекрутов. И на деревенских посиделках. Девушки, собираясь по вечерам вместе пряхать или вышивать, охотно разыгрывали целые свадьбы. Из рассказа И. А. Федосовой известно, что именно так обнаружилось впервые ее умение причитывать («На беседах

дала себя знать; бывало, там свадьбой играли и занарок (т. е. понарошке.— К. Ч.) причитывали»). Девочки, как отмечали неоднократно этнографы и фольклористы, собиравшие бытовые материалы в самых различных районах России, тоже обычно играли в свадьбу, наряжая для этого кукол и разыгрывая целые сценки, напевая свадебные песни и причитания.

Когда вчитываешься в записи причитаний, то хочется понять — как же собиратель смог записать это, как у него двигалась рука по бумаге! Позже я пробовал записывать причитания на похоронах, но должен признать, что это мне никогда не удавалось. Запись казалась кощунством. Кроме того, она и технически трудно осуществима. Слова, которые произносятся причитывающими, трудно разобрать. Для этого надо очень хорошо знать местную традицию. Во всхлипах и полупроизнесенных словах надо различать намеки, обрывки того, что необходимо было бы произнести, но произнести невозможно.

Как свидетельствуют собиратели, причитания записывались ими обычно не во время похорон или других трагических событий, а воспроизводились по их просьбе обычно через несколько лет. В этом тоже содержится нечто неожиданное и удивительное. Значит, причитания могут произноситься в любое время? Нет! Записи показывают, что исполнение причитаний для записи удастся далеко не каждой женщине, даже хорошо знающей традицию. Своей волей вернуться в однажды переживавшееся состояние может только поэтически одаренная женщина. Она восстанавливает в памяти все, что передумала и перечувствовала, вспоминает покойника, горе родных и причитает как бы заново, стараясь припомнить, как она причитала тогда. Женщина, которой это не удастся, диктует собирателю более или менее связный набор формул, но не объединяет их единым чувством и замыслом. Подлинное же «восстановление»

причитания очень напоминает то, что происходит с актером на сцене и называется перевоплощением. Однако артист перевоплощается не в свое былое состояние, а в роль, которую придумал автор пьесы. Причитывающая же заново переживает уже пережитое ею. Впрочем, особенно одаренные исполнительницы причитаний могут, как это теперь доказано, воспроизводить не только свои прежние причитания, но и причитания, слышанные ими от других женщин, при условии, если им хорошо известны и покойник, и причитывающая, а также их семьи со всеми деталями их взаимоотношений. Но если забыты обстоятельства смерти и похорон, если забыт покойник и его родня, то причитать, по-видимому, не могла ни одна даже самая одаренная вопленица. Не могла так причитывать и И. А. Федосова.

В 1896 году Федосова выступала в большом зале Политехнического музея в Москве на вечере, устроенном по инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Когда ее попросили причитывать, она прежде всего спросила: о ком же? Барсов, с которым она приехала в Москву, напомнил ей из своих записей несколько причитаний. Однако Федосова решительно заявила: «Да теперь я тех покойников не помню. Ничего причитать о них не могу». «Кое-кто из публики,— как пишет далее автор воспоминаний В. В. Богданов,— попросил Ирину Андреевну причитать по том или другом умершем, о котором Федосова расспросила подробно, так же как и о его семье. Эти импровизации произвели сильное впечатление на аудиторию.

Наконец, одна немолодая дама попросила Федосову излить ее горе и ее тоску по дочери, которая не умерла, но рассталась с матерью. Федосова подробно расспросила о матери, о дочери и о разных обстоятельствах и причинах разлуки.

Получив после этого спроса нужный ей сюжет для элегии, Ирина Андреевна, стоя на некотором возвышении около кафедры, начала своим ровным, чистым и громким голосом импровизацию элегии на заданный сюжет. Минут пятнадцать, если не больше, сказывала Ирина Андреевна эту в ритм устроенную вдохновенную элегию. Уже на середине сказа слышались вслипывания, потом плач, и не только самой героини элегии, но и других. Когда окончилась элегия, та дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке. Эта демонстрация поэтического творчества Ирины Андреевны Федосовой произвела глубокое впечатление на всю аудиторию. Сама Ирина Андреевна тоже не казалась спокойной».

Итак, Федосова при всей своей даровитости могла причитать только о том, что знала. В этом была ее сила и слабость (так же, как и других исполнителей причети). Причитание — поэтическое искусство, порожденное трагическими бытовыми обстоятельствами. Оно не только «отражает действительность», как любят писать в книгах по теории литературы, а включается в нее, становится частью действительности. Как мы видели, не могут окончательно оторваться от быта даже причитания, которые воспроизводятся по памяти.

Опираясь на такое представление о причитаниях и начав специально заниматься Федосовой и ее творчеством, я предположил, что в основе всех текстов, записанных от нее, лежат подлинные события из жизни заонежских крестьян. Но это надо было доказать. Какие могут сохраниться документы, в которых отразились бы столь обыкновенные семейные события как смерть того или иного члена крестьянской семьи? Какому чиновнику губернского управления это могло бы показаться интересным? К счастью, среди текстов Федосовой оказались причитания, связанные с необычными случаями: гибелью на озере, смертью старосты — крестьянского

заступника, посаженного чиновником в тюрьму, гибелью во время грозы, смертью ребенка, оставленного родителями, ушедшими в поле и т. д. Все они были зафиксированы полицией.

Предположение мое подтвердилось. В современных Федосовой полицейских документах действительно обнаружилось сведения о волновавших Федосову событиях, даже о тех, которые не сохранила ее память через три-четыре десятка лет. Кстати, подлинность воспоминаний В. В. Богданова подтверждается еще и следующим фактом, тоже связанным с историей общения Федосовой с фольклористами. В 1886 году О. Х. Агренева-Славянская просила Федосову повторить то, что она исполняла Е. В. Барсову. Текстами, как она считала, она уже располагала, важно только записать мелодии. Федосова, как следовало ожидать, не смогла вспомнить, что именно она исполняла Барсову двадцать лет тому назад, и стала заново импровизировать примерно на те же темы.

В настоящее время известны десятки плачей по мужу, сыну, дочери, жениху, матери и т. д., записанные от разных исполнительниц. Но это не варианты одного и того же текста даже в том случае, когда они записаны в одной деревне. Это самостоятельные причитания. В отличие от сказок или былин по традиции передаются не цельные тексты причитаний, а накопленный и отработанный веками набор готовых формул. Причитание может состоять даже только из этих формул, следующих друг за другом по ходу обряда. Однако обычно они сочетаются с импровизированными по определенным правилам строками, которые связывают формулы с реальными бытовыми обстоятельствами. Поэтому в причитаниях как бы остается больше места для личной инициативы исполнительницы. Традиционные формулы причитаний обобщали трагические и узловые моменты быта. А импровизация, варьирование придавали

им гибкость, неповторимость, сиюминутность. Таким образом, в причитаниях всегда можно найти как бы двойной отпечаток быта. Это делает их весьма важным материалом для изучения и устойчивых моментов крестьянского мировоззрения, обрядов и быта, и сравнительно быстро менявшихся в ходе социальной истории и политических событий конкретных обстоятельств повседневности.

Мы уже говорили о том, что даже такой традиционный жанр, как былина, не только не исключает, а, наоборот, предполагает возможность выявления личности даровитого сказителя. Если это верно для былин, то в причитаниях это сказывается еще больше. Личность исполнительницы здесь проявляется во всем — в количестве формул, которыми она владеет, в их выборе и умении применить их к стати, в умении причитывать долго, варьируя одну и ту же тему, поворачивая ее разными сторонами и как бы детально разглядывая ее. Поэтому личность исполнительницы причитаний особенно интересна. Текст причитаний воспринимается точнее, когда мы знаем, кто и при каких обстоятельствах причитывал, как складывалась ее жизненная судьба. Как правило, это обычная крестьянская бабья судьба, долгая и полная трагической обыденности — трудовое и полное ожиданий девичество, тяжелое замужество, жизнь в многолюдной семье родителей мужа, в которой «сноха» всем подчинена, кроме собственных детей (свекру-большаку и свекрови-большухе, и мужу, и старшим невесткам), потом — смерть ребенка, проводы сына в армию, свадьба дочери, смерть мужа и т. д. Подобная обычная судьба порой осложнялась войнами, голодом, повальными эпидемиями, мором скота, неурожаями, притеснениями чиновников, пожарами и прочими бедствиями, стихийными и социальными.

Поэтому, когда я начал интересоваться И. А. Федосовой, сразу же возникла задача — узнать возможно

больше о ее жизни. На первый взгляд могло показаться, что о ней известно уже довольно много. Встретившись с Федосовой в 1867 году, Е. В. Барсов записал с ее слов рассказ о ее жизни. Это единственный известный нам пространный автобиографический рассказ, записанный от русских сказителей того времени. Однако многое все же остается неясным. После встречи с Барсовым И. А. Федосова жила еще долго. Широко известны очерки о ней А. М. Горького, встретившего ее на Нижегородской художественно-промышленной выставке в 1896 году. Следовательно, через тридцать лет после встречи с Барсовым она была еще жива. А как протекала ее жизнь дальше? Когда она умерла? Это было неясно. Неизвестна была также дата рождения И. А. Федосовой. Барсов в своем предисловии к ее автобиографии писал, что она «женщина лет около пятидесяти», т. е. она родилась в 1816—1817 годах. Через двадцать девять лет А. М. Горький в своем репортаже с выставки писал, что ей было в это время «девятисто восемь лет от роду», т. е. она должна была родиться еще в XVIII веке, в 1798 году. Известно, что новорожденные регистрировались в приходских церквях. Можно было бы поискать в архивах, но для этого надо знать место рождения. Барсов же сообщает только, что перед Петрозаводском она жила в заонежском селе Кузаранда, откуда был родом ее второй муж. Родиться она могла в любой заонежской деревне или в какой-нибудь деревне соседней Пудожской волости.

Я решил просмотреть хотя бы наиболее популярные газеты и журналы конца 60-х — начала 70-х годов, т. е. за время, которое прошло с начала работы Барсова с Федосовой и до выхода в свет первого тома сборника «Причитания Северного края», а также прессу второй половины 90-х годов (в 1896 году она была в Нижнем Новгороде). Трудно предположить, чтобы во время путешествия Федосовой в Нижний Новгород любители

и исследователи народной поэзии не попытались устроить ее публичные выступления хотя бы в Петербурге и Москве и чтобы об этом не написали в газетах. В очерке Горького упоминается Т. И. Филиппов — крупный петербургский сановник (государственный контролер) и известный любитель народной поэзии, друг Островского, Балакирева, Мусоргского, а также П. Г. Виноградов, организатор выступлений И. Т. Рябинина.

Естественно было начать поиски с «Олонецких губернских ведомостей» и других немногочисленных губернских изданий. Еще с конца 40-х годов прошлого века в Карелии собирали и публиковали фольклорные и этнографические материалы энергичные любители-краеведы. Не могли же они пропустить такие события, как издание трех томов записей от олонецкой сказительницы или ее публичные выступления в Нижнем Новгороде и других городах, если они только состоялись. Определенные надежды я возлагал также на специальные этнографические журналы «Этнографическое Обозрение» и «Живая старина», которые выходили в то время. Они очень тщательно следили за всем, имевшим отношение к фольклористике, и печатали основательные и весьма квалифицированные информации. И, наконец, я решил побывать в Кузаранде, где, видимо, Федосова жила не только до 1865 года, т. е. до переезда в Петрозаводск, но и позже, так как в книге моего друга и однокашника М. М. Михайлова, погибшего во время Великой Отечественной войны и занимавшегося записью причитаний (см. «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940), сообщалось, что Александра Федоровна Касьянова, которой в 1938 году было пятьдесят три года, «в детстве слышала причитания (больше свадебные) знаменитой вопленицы И. А. Федосовой, своей соседки». Прикидываю — в 1896 году, когда Федосова была еще жива, А. Ф. Касьяновой было одиннадцать лет. Вполне вероятно, что она слышала именно

Федосову. После встречи А. Ф. Касьяновой с М. М. Михайловым прошло еще восемь-девять лет, значит, Касьянова не так стара и, может быть, вспомнит что-то существенное. Кроме того, не одна же она слышала Федосову! Может быть, живы и другие жители Кузаранды, которые при жизни Федосовой были постарше и помнят Ирину Андреевну?

Осуществление в последующие годы этого плана действительно дало существенные результаты. Просмотр газет и журналов выявил около двухсот статей и заметок. Некоторые из них содержательны и подробны, другие оказались более краткими, но и они в своей массе дали много нового. В Кузаранде удалось записать воспоминания от шестнадцати человек. К ним присоединились краткие, но весьма содержательные воспоминания бывшего кузарандского учителя Федора Ильича Прохорова.

В Кузаранде я поселился в доме А. Ф. Касьяновой. Она очень сочувственно выслушала меня, подвела к окну и показала дом на противоположной стороне деревенской улицы, в котором жила когда-то Ирина Андреевна и в котором жила ее невестка Анна Федоровна Федосова с семьей.

Газетные и журнальные поиски были сплошными и систематическими, вместе с тем им сопутствовали некоторые счастливые случайности. Зная о моих поисках М. К. Азадовский вспомнил о коллекции известного филолога П. К. Симони, хранившейся в архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Ленинграде. Симони на протяжении нескольких десятилетий собирал печатные изображения русских фольклористов и исполнителей русского фольклора. В его коллекции могли оказаться материалы, связанные с И. А. Федосовой или фольклористами, записывавшими от нее. И действительно нашлось несколько изображений И. А. Федосовой. Большинство из них —

это иллюстрации к газетным статьям и статьям в журналах, которые мне к тому времени уже были известны. Но одна из них заинтересовала меня. Она была напечатана на меловой бумаге, заполненной с оборота текстом, набранным крупным шрифтом. К сожалению, аккуратный П. К. Симони на этот раз не снабдил вырезку ссылкой на издание, с которым она была связана. По тексту на обороте можно было предположить, что это какой-то журнал для детей. Я обратился к известной «Библиографии русской периодической печати» Н. М. Лисовского, охватывавшей весь русский XIX век, и выяснил, какие детские журналы выходили в России в 90-е годы. Для дальнейшего потребовалось только время, и поиск оправдался — нашлась одна из наиболее примечательных статей о И. А. Федосовой, принадлежавшая А. Н. Толиверовой. О ней еще речь впереди.

Наконец поиски были закончены, и я смог написать выясненную теперь в ее главнейших моментах биографию И. А. Федосовой. В первый же приезд в Москву я предложил прочитать доклад в Институте этнографии АН СССР. Когда весь славяно-русский сектор был в сборе, тогдашний его заведующий, профессор Владимир Иванович Чичеров, сел вместе со мной за председательский стол и пригласил сесть с нами рядом почтенного пожилого человека и тут же нас познакомил. Это был известный этнограф Владимир Владимирович Богданов. Я решил, что В. В. Богданов приглашен в сопредседатели как один из старейших сотрудников института и бывший заведующий сектором. Однако после доклада меня ожидал сюрприз — В. В. Богданов поделился своими воспоминаниями о встречах с И. А. Федосовой, на которые я уже однажды ссылался выше. Разумеется, я тут же попросил его записать эти воспоминания. Позже они были опубликованы в приложении к книге «Народная поэтесса И. А. Федосова»

(Петрозаводск, 1955). Это безусловно самые интересные из сохранившихся воспоминаний о ней.

Что же теперь можно сказать о жизни и сказительской деятельности И. А. Федосовой? Начнем с года ее рождения. Выяснилось, что в газетных и журнальных статьях и заметках о ней за 1895—1896 годы содержится большое количество противоречащих друг другу указаний на возраст И. А. Федосовой — от семидесяти до девяноста восьми. Очевидно, возраст И. А. Федосовой определялся авторами статей — даже Барсовым, который общался с ней довольно долго, — весьма приблизительно. Он писал в 1867 году, что Федосовой «около 50 лет». Почему же он не спросил об этом у нее самой? Видимо, Федосова не знала, сколько ей лет точно. В этом нет ничего удивительного. Неграмотные крестьянские женщины обычно не знали своего возраста. Они помнили сколько лет вышли замуж, а потом постепенно сбивались с точного счета. Да и это было не так уж важно по сравнению с мужчинами, которым год рождения нужно было помнить, так как это было связано со службой в армии или с другими государственными повинностями. Это предположение подтвердилось сообщением О. Х. Агреновой-Славянской. «Сколько тебе лет? — спрашивала собирательница. — Иногда Ирина отвечала», — пишет она далее: — «Сколько мне лет — столько тебе нет», или: «Сколько было вчера, того нет!.. Под столом ходила — хворост носила; стол переросла — коров доить пошла; косу отпустила — в работниках служила; пора настала — с молодцем гуляла; пора прошла — замуж пошла; замужем двадцать лет жила — тяжело горюшко несла; овдовела — осиротела! Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — память извелась!» В этой шутке заключен определенный смысл. Судьба Федосовой здесь рисуется цепочкой пословичных формул, обобщенных и вполне применимых к жизни

любой крестьянки того времени. Это не делает ее менее точной по отношению к самой Федосовой.

Не умея определить свой возраст, И. А. Федосова тем не менее не сбивалась в счете лет, прошедших между важнейшими событиями. Так мы узнаем, что девятнадцати лет она вышла замуж, тринадцать лет прожила с первым мужем, год была вдовой, затем двадцать лет прожила со вторым мужем. Следовательно, когда она овдовела, ей было пятьдесят три года. Статьи, в которых сообщается дата смерти второго мужа Федосовой, сходятся на 1884 году. Следовательно, родилась И. А. Федосова в 1831 году.

Выяснить дату смерти сказительницы оказалось значительно проще. После многочисленных (как мы увидим далее) выступлений в различных городах России в середине и второй половине 90-х годов прошлого века она была достаточно известной, и «Олонецкие губернские ведомости» не могли не отметить на своих страницах дошедшего до Петрозаводска известия о ее смерти. В № 73 за 1899 год «Олонецкие губернские ведомости» сообщили о смерти И. А. Федосовой, наступившей 10 июля того же года в Кузаранде. Она была похоронена на кладбище при Кузарандской приходской церкви у деревни Юсова Гора на берегу Онежского озера.

По воспоминаниям родственников и других жителей Кузаранды И. А. Федосова родилась в деревне Сафроново бывшего Вырозерского общества Толвуйской волости Петрозаводского уезда. Ее родителей звали Андрей Ефимович и Елена Петровна Юлины.

О детстве Федосовой мы знаем только то, что она рассказала Барсову. По-видимому, это было типичное детство севернорусской крестьянской девочки того времени. Огромная семья из двадцати двух человек должна была напрягать все силы, чтобы жить «прожиточно и степенно». Дети работали с малолетства.

С ранних лет Ирина Андреевна приучилась не только к обычной работе, которую поручали девочкам, но и к мальчишечьей работе: «Шести год на ухаж лошадей гоняла и с ухажа домой пригоняла» (т. е. в ночное и с ночного). Видимо, нет никакого преувеличения в ее словах: «Восьми год знала, на каку полосу сколько сеять». Крестьянские дети очень рано приучались к труду и познавали все тревоги и заботы, связанные с крестьянским хозяйством. Но все же в восемь лет — даже для старой деревни — это было рано. Федосова в цитированных воспоминаниях подчеркивает свой ранний опыт и свою активность. Она рассказывала Барсову: «...был еще брат да две сестры, а в них толку мало; я ж была сурова (т. е. бойка. — К. Ч.); по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла и убирала». Однажды во время какой-то очередной работы — поездки в ночное или боронования — «лошадь всплеснулась», Федосова упала и осталась хрома.

Хромота, видимо, оказала значительное влияние на ее дальнейшую жизнь, особенно когда Федосова стала девкой и, как говорили тогда, «заневестила». Хромую кто возьмет? Наверное, поэтому, как она рассказывала, «на гулянку не кехтала, не охотила». По тогдашним понятиям остаться в девках означало горькую участь. Незамужняя женщина не имела права на самостоятельное хозяйство. Она не получала земли, не могла построить избу. Но даже если бы у нее была изба и земельный участок, разве ей под силу было бы одной своротить и мужицкую, и бабью работу. Холостому невозможно было оставаться даже мужику, не то что бабе. У братьев и сестер будут свои семьи, а ей разве что батрачкой или в город прислугой, а то и в монастырь. Такое будущее нависало над Федосовой вполне реально. Выход был один — пойти при случае за вдовца. Она уже сама думала, что ей вовек не выйти замуж, и окружающие стали к этому привыкать. Песенный талант,

который стал обнаруживаться рано, видимо, был ее единственным утешением. Об этой поре своей девичьей жизни она рассказывала так: «Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна; где што слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню, ли, сказку ли, старину ли какую... на прядиму беседу¹ отец не спущал, а раз в неделю молча уходила; приду — место сделают у свитца (т. е. держатель для лучины, которой освещали избу.— К. Ч.); шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной (т. е. звали по имени и отчеству.— К. Ч.); грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди звать и к себе приглашать — свадьбы играть и мертвым честь воздавать».

В вступительном очерке мы уже цитировали речь академика В. Ф. Миллера, в которой он со слов И. А. Федосовой рассказывал, как она сочиняла песни по просьбе девушек ее деревни. В автобиографии, продиктованной Е. В. Барсову, она говорит о том, как начала причитывать и «свадьбы править»: «С малолетства любила я слушать причитания; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: «Кроме Иришки некому». На беседах дала себя знать; бывало, там «свадьбой играли», и я занарок причитывала (т. е. девушки шутя разыгрывали во время прядимой беседы свадьбу, а она понарошке причитывала — К. Ч.). Ну и пригласили; мать отпустить не смеет. Писарь волостной был сродник невесте, пристал ко мне и говорит: «Согласись, мы уговорим отца,

¹ П р я д и м а б е с е д а — девичьи посиделки, на которые собирались с прялками, шитьем или вышиванием и пели песни. В отличие от этого «игримая беседа» — посиделки, на которых не работали, а только гуляли и плясали.

не выдаем тебя в брань да ругательство». Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло; стали звать на другую свадьбу; отец и говорит: «Не для чего ее приглашать: ведь не знает она ничего». — «Как не знает? По зиме у соседки причитала!» Отец возгорчился (т. е. обиделся. — К. Ч.): «Кто, скаже, позволил?» — «Писарь Петр Кондратьевич, — отвечала мать, — да голова Алексей Андреевич». — «Ну, когда этакие лица просят, так пусть, для меня как хочет, дело ейное».

С тех пор Ирина Андреевна стала ходить по людям причитывать. Барсову она рассказывала, что когда ее впервые пригласили, ей было тринадцать лет. Более того, он пишет: «13-ти лет она была уже вопленицей, известной по всему Заонежью». Если в этом утверждении не содержится преувеличения, это значит, что ее способность к поэтической импровизации и знание традиции сформировались тоже очень рано. Другое место воспоминаний Федосовой как бы подтверждает это. В пересказе Барсова оно звучит так: «Она откровенно призналась, что знает очень многое, что с младости ей честь и место в большом углу, что на свадьбах ли запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит (т. е. запричитает. — К. Ч.) — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный».

Для чего же звали Федосову на свадьбу? Что означают ее слова «произвела свадьбу»? И для чего на свадьбе нужна была вопленица? Разве каждая невеста сама не умела причитывать?

Традиция заонежской свадьбы первой половины и середины XIX века нам хорошо известна по более поздним записям. Присутствие вопленицы на свадьбе не означает, что невеста сама не причитывала. Но рядом с ней на протяжении всей свадьбы должна была быть опытная женщина, которая руководила ею, следила за тем, чтобы обряд был бы соблюден, как положено. Ее называли невестиной свахой (или подвенечной сва-

хой), и она по существу была второй фигурой на свадьбе после дружки-мужчины, главного распорядителя свадьбы со стороны жениха. Часто невестиной свахой просили быть крестную мать или другую ближайшую родственницу невесты. Однако она должна была обладать знанием свадебного ритуала, каким обладала далеко не каждая женщина. Поэтому приходилось иной раз звать просто знающую женщину из своей или другой деревни. Одной из обязанностей невестиной свахи было наряжание невесты в день свадьбы и вывод ее к «малому столу». Малым столом назывался обряд в доме невесты, во время которого ее родители после короткого угощения родственников жениха выводили к ним невесту и обменивались с будущими родными подарками. Выводила невесту все та же невестина сваха. Одновременно она играла роль так называемой «подголосницы». Невеста, выходя к столу, должна была молча кланяться, а в это время от ее имени причитывала (подголашивала) подголосница. В невестины свахи старались пригласить такую женщину, которая хорошо причитывала и знала много свадебных и иных песен, чтобы на свадьбе было весело.

В скуповатом рассказе о себе Ирина Андреевна Федосова со свойственным ей мастерством нарисовала облик девушки, в которой мы узнаем многие черты будущей народной поэтессы, мыслящей смело и самостоятельно, сознающей свое человеческое достоинство. Эти качества, соединявшиеся с неизменной привязанностью к народной поэзии, Федосова пронесла через всю жизнь. Недаром А. М. Горький, через тридцать три года после встречи с Федосовой, вспоминая о ней, подчеркивал именно эту «любовь к делу». «По-моему,— писал он,— есть только один талант: умение делать всякое дело с любовью к нему. «Воплениц» и «сказительниц» я знаю, встречал, слышал знаменитейшую из них Орину Федосову, это была талантливая старуха, но

именно потому, что полюбила свое дело в 12 лет и на всю жизнь».

Помимо любви к своему делу и исключительной поэтической одаренности Федосова обладала замечательной памятью, помогавшей ей при импровизации свободно черпать из всех жанров русского фольклора. Она действительно была «памятью памятна», как сама говорила о себе. От нее записано большое количество пословиц и поговорок (около ста тридцати). И записывались они не специально, а попутно, при разговоре или исполнении какой-нибудь песни или причитания.

Все известные источники — и записи Е. В. Барсова, и статьи в газетах и журналах 90-х годов XIX века, и воспоминания людей, общавшихся с Федосовой в городах и в Кузаранде — свидетельствуют о том, что самый главный для нее жанр — причитания — Федосова ценила очень высоко, а их исполнение считала делом весьма серьезным, не развлечением, а общественным призванием. Анонимный автор обстоятельной статьи о Федосовой в газете «Всемирная иллюстрация» писал: «Как вопленица Федосова приглашается на свадьбы, а на похороны, как принято, сама идет разделить горе и причитания поет по покойникам». Известный литературовед А. Е. Грузинский в статье «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова» вторит ему: «Ее приглашают всего чаще на свадьбы, плакать же на похороны или на рекрутские проводы она обыкновенно ходит сама, по доброй воле; очевидно, она испытывает ясную потребность в той художественной работе, которую представляет для нее составление и исполнение плачей». Думаю, все-таки, что это была не просто потребность в «художественной работе», если употреблять это словосочетание более или менее точно. Скорей это была потребность принять участие в чужом горе, выразить сочувствие, может быть, даже осознанная обязанность помочь людям понять их собственные чувства, разобраться в смыс-

ле произошедшего, научить людей трезво и смело смотреть в глаза жизни. Чтобы понять смысл и формы подобного участия, надо вспомнить о характерных бытовых традициях севернорусских деревень. Во многих деревнях, например, были так называемые «мирские няни», женщины, которые считали своим долгом помогать каждому, кто в этом нуждался — сироте, больному, семье, терпящей бедствие, недавно овдовевшей молодой женщине, уходящему в армию рекруту. Часто это были одинокие и старые женщины, но не только, были и молодые, и семейные, и обремененные своими заботами. Община отвечала им тем же, с мирской няней делились каждым свежим добытком: уделяли что-то из пойманной рыбы, приносили свежего мяса, собранных грибов или ягод, скошенного сена, иногда просто крынку молока или ломоть хлеба. Причем все это не носило характера платы за услугу или подачи нищенке, подобное обращение с мирской няней считалось неделикатным. То, что она делала, было бескорыстным, а воздаяния ей — добровольным приношением. Кто не мог — не давал ничего.

И. А. Федосова, видимо, рано вошла в роль «мирской няни». Может быть, этому способствовала хромота и складывавшаяся уже привычка к мысли остаться незамужней. Поэтому легко понять быстрое согласие Федосовой выйти замуж за Петра Трофимовича Новожилова из деревни Сидоровка Кузарандского общества, когда он посватался. Федосова рассказала об этом так: «Я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж итти: сама казну наживу да голову свою кормлю. Перво сватали за холостого, парня молодого; родители не отдали. После многие позывали, да сама не хотела — будь хоть позолоченой, не пойду. Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираться; пал на сердце немолодой вдовец: знать, судьбина пришла. Дело было так: приехал суссед с дочерью в гости; у нас в деревне была «беседа

иgrimая»; старик-гость сидит да толкует с отцом, а я говорю отцу: «Спусти на беседу». — «Куды, говорит, можно и дома, греха-то тут на душу». Гость упрашивает, чтобы отпустил: «Она, скаже, такая разумная да к людям подходитьная — отпустить можно». — «Не спущу, — отвечал отец, — лучше не говорите». Замолчала я, села прять и в уме взяла: «Не поеду за сеном, не пошлешь ни за што». Смотрел, смотрел отец: «Што, скаже, груба сидишь? Ступай на беседу, коли охота такая привязалась». Я просто-запросто, в сарафане-костычь, в фартучке, прялицу в руки — и на беседу. Место сделали, приехавшая гостья и подзывает: «Сядь-ко ты подли меня, есть поговорить».

— Девко! Думаешь ли замуж?

— Нет жениха, — говорю я.

— Жених есть, да ни смиеет звать — не пойдешь.

— Для чего, — отвечаю, — завету нету, прилюбится, и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?

— Удовец, ужели не запомнишь? Петр Трифонович.

— Какой такой пестрый воскрес, какое у его семейство?

— Сын да дочка, сын женатый, да у сына двое детей.

— Фатеру знаю, а жениха не знаю.

— Девко, можно итти, участочек хорошей, а ты бойкая; сам он год шестидесяти.

— Ну, это дело терпящее, ночью с ангелом подумаю, а утром скажу; отцу не докладайте.

С беседы пришла до первых петухов, не ем не пью, мать заметила: «Што ты, скаже, сдияла, сурова ты; што ты, голубонько, кручинишься?»

Легла спать, не спится, а думается, в девушках сидеть али замуж итти.

— Ну-ко, беседница, — утром рано подымал отец, — на ригач ставай — молотить.

Встала, дело делаю, а сама не своя. Повела думу невестке, хозяйке братовой:

— Баба,— скажу,— замуж зовут.

— Ну што,— говорит,— ведь ты не пойдешь.

— Нет,— отвечаю,— можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я, там я посмотрю жениха.

С овина отпорядничалась, случились повозники в Толвую — на Горки. Я подавалась родителям¹ — спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали в Заозеро к Мустовым. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали оны на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, вслед за мной в Заозеро. Сижу я там и пою со слезами, обидуюсь, как слышу вдруг в горнице самовары готовят, большухи уху варят; к крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали; гляжу, один знакомой, другаго не узнала даже; в умах нету, что женихи наехали. Богу помолились, по фатеры похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит:

— В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом были у вас — сватать; ну, как слышно, есть в Кузаранде свадебка? Ведь дело заговельное.

— Бог ли понесет, с воли да в подневолье,— ответила я.

— Нет уж, как хошь, надо итти, мы такую даль ехали.

— А где же жених? — спросила я.

— А вот он по фатеры похаживает,— сказал Петр Андреевич.

— Я неволи не лисица, не объем, не обцарапаю; пусть сам заговорит, не семнадцать лет,

Жених сел подле меня и говорит:

— Идешь ли замуж?

— Не знаю — иттить ли.

¹ Отпросилась у родителей.

— Иди,— говорит,— не обижу,— стал подбивать и подговаривать.

— Век так ласкает ваш брат.

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях, скоренько розделась, поужинала, приехал и жених; сижу я за прялкой, он подсел и говорит:

— Умнешь бойко прясть.

— Еще бы,— говорю,— не в лисях родилась, не пням богу молилась. Ну, што ты,— говорю,— бережешь меня, я человек молодой, ты матерой; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить, вы люди матеры, варить¹ не будете: какое будет житье, биси в лисе насмкются. Да и мне неохота выходить; выйдешь, замужье — не хомут, не спихнешь; не мило, да взглядывай, не любя свекровка, звать ю матушкой; худо мое мужишко — vedi его чином.

Жених на это заметил:

— Не крепка жена умом, не закрепишь тыном.

— Ну, когда так,— порешила я,— пойду».

Во всем этом рассказе, который нам хотелось привести полностью, интересно многое — и живые интонации федосовской речи, типичной для северной крестьянки и вместе с тем очень индивидуальной, и борение девичьих чувств — желание выйти замуж, и в то же время сложившаяся уже за шесть-семь лет привычка править свадьбы и ходить по похоронам, с которой не хочется расставаться, и наконец жалость к вдовцу, обремененному большой семьей. Федосова решила дать согласие, но выговорила при этом себе право продолжать ходить по людям. Все это она со свойственным ей умом, самостоятельностью и энергией решает сама, не очень считаясь с мнением близких. Она рассказывала Е. В. Барсову: «Матушка ужасно жалила, суседи срекались: «Што ходила по свадьбам, да находила; два-

¹ Терпеть.

дцатилетняя девушка да идет за шестидесятилетнего старика; не станет он жить-любить — старичонка, — удовщище ведь он да посиделище». Однако права оказалась она: «13 лет жила я за ним, и хорошо было жить; он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил (т. е. не изменил данному мне слову. — К. Ч.), была воля идти куды хочешь». Умер П. Т. Новожилов в 1863 году, семидесяти трех лет от роду. Федосовой в это время было тридцать два года. О прощании с ним перед смертью она рассказывала так: «Все жалел меня покойная головушка: «Не пожить тебе так, выйдешь замуж, — говорил он, — набьешься, нашатаешься». И он оказался прав.

Прожив меньше года вдовой, Ирина Андреевна во второй раз вышла замуж за Якова Ивановича Федосова из деревни Лисицыно того же Кузарандского общества на восточном берегу Заонежского полуострова. Яков Иванович был значительно моложе ее, и в новой семье Ирина Андреевна была встречена недружелюбно.

«Как она пришла в семью, — сообщает ее невестка А. Ф. Федосова, — так над ней надрыгались: не поймешь, мол, молодуха аль старуха. За водой на колодец посылали, смотрели, как она идет, а она была хрома».

«Надрыгались» в заонежском диалекте означает — издевались. «Посылали за водой» — это, видимо, воспоминания, сохранившиеся в семье об обычном публичном обрядовом испытании: в первое послесвадебное утро молодая должна была отправиться на колодец за водой. Вся деревня высыпала на улицу, смотрели, как молодница несет воду, умело ли она это делает, какая у нее походка, как она наряжена, какие получила подарки и т. д. Вышедшую второй раз замуж могли при хорошем к ней отношении не посылать за водой, но могли и послать, и она должна была, по обычаю, подчиниться. По воспоминаниям той же А. Ф. Федосовой, когда Ирина Андреевна вышла замуж за Якова Ивановича,

она «была бела», т. е. седая. Деревенским кумушкам было о чем посудачить. А каково было молодой? Ведь совсем недавно она была хозяйкой дома, женой почтенного пожилого мужика... К тому же Яков скоро стал пить.

В воспоминаниях самой Федосовой рисуется примерно та же картина: «...Бранить стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яков мой такой нехлопотный, а оны базыковаты¹, обижали меня всячески». Весной Яков отправился, как говорится в воспоминаниях И. А. Федосовой, «к Соловкам», очевидно, на заработки в поморские села (он был столяром), она же оставалась дома и, как она говорит, «все крестьянство у их вела», т. е. на нее легла вся домашняя работа.

После возвращения мужа Федосова принимает смелое решение. Она уговаривает его покинуть деревню и переехать в Петрозаводск, где Яков Иванович продолжает заниматься столярным ремеслом. По свидетельству Е. В. Барсова, привыкать к городской жизни было трудно. Федосова скучала по деревне, собиралась все время в Кузаранду, но хорошо знала, что ее ждет там. До смерти Якова Ивановича в 1884 году они все-таки продолжали жить в Петрозаводске. Зарабатывал он довольно хорошо, но временами пил. Двое детей умерли маленькими, и Федосова усыновила племянника Ивана. Взяла она его трехмесячным, вырастила и любила как сына.

После смерти Якова Ивановича пришлось продать мастерскую в Петрозаводске и вернуться в Кузаранду в «мужнин угол». Несмотря на то, что Федосова вырастила сына деверя Тимофея Ивановича, жизнь ее в чужой семье была тяжела. «Не сладка была ее жизнь у деверя,— писал с ее слов в 1896 году Е. В. Барсов,— хлеб добывала она корзиной (т. е. подаянием.— К. Ч.),

¹ Сварливы.

и обедала, и ужинала за своим столом. Большуха не давала ей даже воды: «Принеси де на своих плечах, а мы тебе не кормильцы и не поильцы». Временами она служила в няньках и ходила по свадьбам, когда позовут. Правда, нищенство ее было своеобразным, она не ходила по́ миру, а мир кормил ее. Г. В. Стафейков из деревни Лисицыно рассказывал мне: «Носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала». Только с середины 90-х годов Федосова стала жить лучше.

Еще при жизни второго мужа в Петрозаводске в 1867 году Федосову по совету одного из ее земляков разыскал учитель местной семинарии Е. В. Барсов и вскоре начал от нее записывать. Однако это были не причитания, прославившие ее впоследствии. Барсов и Федосова встретились во время великого поста, и она отказалась исполнить что-либо кроме духовных стихов и былин. Как пишет Е. В. Барсов, при первых встречах Федосова «решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет» и что «с господами никогда не зналась». Помогло только посредничество земляка, у которого Барсов стоял на квартире в Петрозаводске.

Еще не кончился великий пост, как в «Олонецких губернских ведомостях» появилась первая публикация — четырнадцать духовных стихов, былин и близких к ним исторических песен и баллад. Под ними стояла подпись: «Все напечатанные здесь «стихи» записаны мною от Ирины Толвуйской». В Кузаранде И. А. Федосову звали «Толвуйской», так как она родом была из-под Толвуи. Таким образом, первые записи от Федосовой не сообщали читателям ее фамилии — ни девичьей, ни по мужу. Запись причитаний от нее началась в июне 1867 года и продолжалась до декабря. Барсов пришел к выводу, что причитания Федосовой следует издать отдельной книгой. 25 ноября «Олонецкие губернские ведомости» известили читателей о том, что готовится к изданию «Сборник заонежских заплачек».

В середине 1868 года Барсову удалось побывать в Петербурге и познакомиться известных филологов О. Ф. Миллера и В. И. Ламанского со своими находками. Их восторженные отзывы окрылили Барсова, он понял, что совершил открытие, по своему значению едва ли не равное рыбниковскому, и что ему необходимо продолжать записывать все, что сможет сообщить И. А. Федосова. В 1868—1869 годах Барсов возобновил работу и решил, что записи от Федосовой могут составить трехтомный сборник. Он назвал его окончательно «Причитания Северного края, записанные Е. В. Барсовым».

В чем же состояло открытие Барсова и что он записал от И. А. Федосовой? Рыбниковские записи, о которых мы говорили в предыдущих очерках, свидетельствовали о том, что в крестьянской среде, в селах, сравнительно недалеко от Петербурга, еще помнят былины. Записи же Е. В. Барсова открыли совершенно неизвестный дотоле мир крестьянской женской поэзии, жанр, которому в фольклористике 60—70-х годов прошлого века еще не было даже установившегося названия. Отдельные публикации причитаний в третьем томе сборника Рыбникова или, еще раньше, в «Пермском сборнике» прошли почти незамеченными. Даже такой знаток фольклора как П. И. Мельников-Печерский, автор известного романа «В лесах», еще за несколько месяцев до выхода «Причитаний Северного края» плохо представлял себе, что такое причитания.

Барсову удалось не только открыть неизвестный жанр и одну из исполнительниц его, но и записать причитания в чрезвычайно талантливом исполнении. В 1872 году, почти одновременно с «Онежскими былинами» А. Ф. Гильфердинга, из печати вышел первый том сборника Е. В. Барсова, который вернее было бы называть сборником Федосовой. В журнале революционных демократов «Отечественные записки» сразу же

появился отклик крупнейшего публициста того времени Н. К. Михайловского на это издание. Великий поэт русского крестьянства, автор «Орины, матери солдатской», «Мороза, Красного Носа», «Несжатой полосы», «В полном разгаре страда деревенская» и других проникновенных стихотворений о бабьей доле, Н. А. Некрасов горячо воспринял книгу народной поэтессы. Документы показывают, что он пересчитывал ее много раз, неоднократно делал выписки из нее, не расставался с ней во время своего заграничного путешествия 1872 года. В следующем, 1873 году, он опубликовал очередную главу «Кому на Руси жить хорошо» («Крестьянка»). Она была написана под свежим впечатлением от чтения сборника Федосовой и построена во многом на материале ее плачей. Нельзя установить с полной достоверностью, что глава, не предполагавшаяся раньше в плане поэмы, появилась именно под влиянием плачей Федосовой, однако это весьма вероятно. В ней Матрена Тимофеевна, крестьянка, современная Н. А. Некрасову, рассказывает о себе. Она родилась далеко от родного Федосовой Заонежья — в одной из центральных русских губерний. Однако схожесть жизненных судеб крестьянских женщин того времени позволила Некрасову использовать не только поэтические строки федосовских причитаний, но и рассказ Федосовой о себе и своей жизни.

За двадцать с лишним лет до поэтической встречи с Федосовой в одном из самых выразительных своих стихотворений Н. А. Некрасов писал:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

В федосовских причитаниях, в ее повествовании о своей жизни родная сестра Некрасовской Музы рассказывала о себе. Вспомним, что всегда говорят в школе на уроках литературы об известном стихотворении Некрасова «Орина, мать солдатская». Сестра поэта А. А. Буткевич записала в своих воспоминаниях о брате: «Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить». Это был обычный и вместе с тем необыкновенно ценный для поэта крестьянский бытовой рассказ. Некрасов очень часто обращался к подобным рассказам. В поэме «Мороз, Красный Нос» рассказ крестьянки о себе расцвечивается песенными и сказочными мотивами (особенно в сне Дарьи). В записях же от И. А. Федосовой действительность рисовалась преображенной поэтической традицией причитаний, поэтическим стоном поверженной горем крестьянской женщины. Ни в одном фольклорном жанре мы не встретим столь крайнего напряжения чувств, даже в любимых Некрасовым песнях о бабьей доле. Н. А. Некрасов в своей «Крестьянке» щедро черпает из барсовских записей и не скрывает этого. В примечании к одному из самых напряженных эпизодов — рассказе о гибели Демушки — он отмечает: «Взято почти буквально из народного причитания». Судя по черновым наброскам к поэме, первым вариантом имени Матрены Тимофеевны было имя Оринушка, и она, совсем как Федосова в год встречи с Барсовым в Петрозаводске, «была старуха бодрая пятидесяти лет» (так показалось собирателю; в действительности Федосовой тогда было всего тридцать шесть лет).

Выход в свет первого тома причитаний И. А. Федосовой в мае 1867 года застал П. И. Мельникова-Печерского за работой над романом «В лесах». К маю 1872 года писатель опубликовал первую часть романа и де-

сять глав второй части в журнале «Русский вестник». В июне того же года в журнале была напечатана одиннадцатая глава второй части, в которой рассказывается о гибели Насти Чапуриной, о том, как она была оплакана ее родными и специально приглашенной для этого вoplеницей Устиньей Клещихой. Сопоставление этой главы со сборником Федосовой показывает, что Мельников уже успел с причитаниями внимательно познакомиться. Он использует вступительную статью Е. В. Барсова к сборнику, автобиографию Федосовой, выводит на страницах романа вoplеницу, импровизирующую тексты причитаний и вершащую похоронный обряд. Наконец, приводит несколько похоронных причитаний, которые представляют собой весьма умелый монтаж из строк, найденных им у Федосовой. Как же смог писатель так быстро отреагировать на публикацию сборника? Можно сделать несколько предположений. Они уже высказывались в печати. Важно, что все они в равной степени свидетельствуют о живом интересе писателя к творчеству Федосовой. В мае вышел сборник, а в июне уже печатаются эпизоды романа, возникшие под его влиянием.

Не менее живо реагировала общественная и научная пресса того времени. В числе первых рецензентов были, кроме упоминавшегося уже Н. К. Михайловского, такие значительные ученые как академик А. Н. Веселовский, академик Л. Н. Майков, академик А. Ф. Бычков и др. В последующие годы появились отклики на «Причитания Северного края» в славянских странах, а также в Германии и Англии.

Отметим еще один примечательный факт. В 1870 году, еще до выхода в свет первого тома «Причитаний Северного края», Барсов по приглашению Румянцевского музея, который был в то время в России одним из крупнейших центров славянской филологии, этнографии и фольклористики, переезжает в Москву. Здесь у него

снова появилась возможность познакомить ученых со своими записями. В результате Общество любителей российской словесности приняло решение об ассигновании средств на издание сборника, который был признан «в высшей степени замечательным», а в одной из московских газет («Современные известия») появилась статья Е. В. Барсова «Олонецкая плакальщица» (№ 212, 4 августа 1870). В ней вместе с отрывком из автобиографии Федосовой давался значительный кусок из ее «Плача о старосте». Эта газетная публикация и была первым в русской фольклористической литературе специальным очерком об исполнителе фольклора.

Несмотря на то, что заметка Барсова и «Плач о старосте» были напечатаны в нижнем углу последней страницы, читатель не мог их пропустить, так как редакционная передовая этого номера, объявившая публикацию «Плача о старосте» общественным событием, была тоже специально посвящена ему. Мы не будем пересказывать передовую, отметим только, что автор отчетливо понял живую связь причитаний Федосовой с современностью. Он писал: «Не придется ли по прочтении импровизации современной плакальщицы зачеркнуть, может быть, девять десятых разных глубокомысленных рассуждений о былинах и сказках, их происхождении и значении? За многою седою древностью пришлось бы, пожалуй, обращаться ко вчерашнему дню или даже сегодняшнему...»

В первом опубликованном причитании Федосовой рассказывается о вполне конкретном событии, произошедшем в заонежской деревне в середине 60-х годов прошлого века. Это было время осуществления так называемой «крестьянской реформы» в северных губерниях, которые населены были не помещичьими, а государственными крестьянами. Реформа выразилась здесь главным образом в передаче государственных крестьян из горного ведомства в ведение мировых и земских учреж-

дений. Практически это означало отмену горнозаводских повинностей (которые когда-то обременяли крестьян, но после захирения олонецких железоделательных заводов были не столь велики) и вместе с тем закрепление за крестьянами определенных наделов и запрещение свободно пользоваться запашками («лядинами») в казенных лесах. Это лишало их части земли, которую они фактически обрабатывали до «освобождения». При всем кажущемся различии с центральными губерниями здесь произошла по существу такая же чистка земель для капитализма, о которой говорил В. И. Ленин как о характернейшей черте «освободительной реформы» в целом. Кроме того, осуществление реформы сопровождалось постоянным ростом земских поборов, возраставших в эти годы с не меньшей быстротой, чем государственные подати. В результате ежегодные недоимки по Олонецкой губернии достигали двухсот тысяч рублей, а общая сумма годового обложения и недоимок превышала стоимость крестьянского имущества в губернии. Положение усугублялось полосой недородов, начавшейся в 1861 году и растянувшейся на семь лет. Наибольшей силы голод достиг в 1867 году. «Олонецкие губернские ведомости» в статье, напечатанной в начале 1868 года, называли прошедший 1867 год «годом страшным для Олонецкой губернии». После неурожая 1867 года в губернии пустовало около восьми тысяч десятин земли. В этом же году вспыхнула эпидемия сыпного тифа и эпизоотия сибирской язвы. В известной книге «Положение рабочего класса в России», вышедшей в 1869 году, Н. Флеровский, описывая бедствия олонецких крестьян в годы недорода, сообщает о попытке более пятисот жителей губернии переселиться в южные районы России. В № 25 губернских ведомостей за 1868 год сообщалось об аналогичном побеге крестьян «в числе нескольких сот человек» на юг. Бе-

женцы были задержаны в Вологде и возвращены этапным порядком «для водворения на прежних местах жительства». В 1866—1867 годах в олонецких селах стали действовать вновь назначенные мировые посредники. Если в центральных губерниях в их обязанности входило посредничество между помещиками и крестьянами при новом межевании земель и контроль за сбором податей, то в северных губерниях им поручалось преимущественно выжимание повинностей и недоимок. Естественно, что земляки Федосовой видели в мировых посредниках главных виновников пореформенных бедствий. Их бесцеремонное и непривычное для севернорусских крестьян вмешательство в дела общины, полицейские приемы выколачивания податей, третирование крестьян чиновниками вызывало единодушное возмущение всех крестьян — и бедных, и более зажиточных. В отчете олонецкого губернатора отмечалось сто шестьдесят случаев сопротивления властям только за один 1869 год. Сообщалось и о том, что двести девяносто семь крестьян было подвергнуто тем или иным мерам наказания. Об одном из таких случаев, произошедшем в ее родной деревне, и рассказывает И. А. Федосова в «Плаче о старосте». Вспомним, что все тексты причитаний, составившие первый том сборника «Причитания Северного края», записаны именно в «страшный» 1867 год.

В деревню приезжает мировой посредник. Он лютует, требуя немедленно согнать крестьян на сходку, неистово ругает старосту за то, что тот потакает недоимщикам. Староста от имени крестьян решительно утихомиривает посредника:

Не давай спеси во младую головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
Едины да все у бога люди созданы...
Хотя ж рьян да ты, посредничек,— уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник,— приусядешься!

Столкновение заканчивается тем, что староста попадает в тюрьму, болеет там и по дороге домой умирает. Его и оплакивает Федосова от имени вдовы. В причитании постоянно слышится не только голос овдовевшей, но всего крестьянского «мира» (т. е. общины), за который вступился староста:

Мироеды, мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто звери-то клевучие;
Как наедут ведь холодные-голодные.
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъсзжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!

Причитание заканчивается известным проклятием «судьям неправосудным», которое целиком было использовано Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строснице,—
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодея супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платнице,
Как безумице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!

Опубликованный в газете «Современные известия» «Плач о старосте» был одним из семнадцати текстов, составивших «Причитания Северного края». Разумеется, не все они с равной остротой отразили социально-экономическое состояние олонецкой деревни тех лет. Однако некоторые из них в этом отношении достаточно

ярки. Так, например, столь же отчетливо связан с крестьянскими бедами и социальными столкновениями середины 60-х годов прошлого века «Плач о писаре», выписки из которого тоже обнаружены в бумагах Некрасова. В этом причитании говорится о смерти писаря — крестьянского заступника — в тяжелые пореформенные годы. Здесь же рассказывается легенда о далеких временах, когда на земле царила социальная справедливость и мир.

Жили люди во всем мире постатейные,
Оны ду-друга люди не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося...

Теперь — иное. Горе вырвалось и носится по Руси, принося несчастье крестьянам. В строках, которыми описывается неистовство Гора, мы ясно слышим отзвуки событий первых пореформенных лет, о которых говорили выше:

Зло несносное — велико это горюшко —
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно, черным вороном...
Как со этого горя со великого
Бедны людюшки, как в море колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушенные,
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отцозшина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь стоги перегодные,
Не насыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимних у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!..
...неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны, да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед да во синем море;
Никуды от их, злодиев, не укрозишься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Все доишутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле!
Во конец оны крестьян всех разоряют!

Энергичное обличение крестьянских разорителей сопровождается типичной крестьянской иллюзией:

Кабы ведали цари да со царицами

Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

Другие причитания первого тома образуют две группы. Одни из них (Барсов напечатал их вместе с «Плачем о старосте» и «Плачем о писаре» в конце книги) связаны с необычными обстоятельствами смерти оплакиваемых — «Плач о потопших», «Плач об убитом громом-молнией», «Плач об у пьяноливой головушке» (в нем рассказывается о том, как опившийся замерз в пути) и наконец «Плач о попе, отце духовном», другие — с обстоятельствами обычными («Плач вдовы о муже», «Плач о дочери»; «Плач о сеате» и т. д.).

Федосова в своих причитаниях много раз упоминает о попах. Обычно это либо механически повторяющаяся благодарность за исполнение требы, либо упрёки в неумеренности при назначении платы за нее:

Говорить я стану, печальная головушка,
Я вобще да всем попам-отцам духовным:
В золоту казну, попы, не забирайтесь-ко...
Хоть не вкруте — помаленьку рассчитаемся.

Лишь в одном из плачей рисуется крестьянский идеал попа-заступника («что нет, да такова попа не видано»). Это поп-крестьянин, работающий на земле. По первому зову он готов в путь — в ночь и в непогоду. Федосова рассказывает о том, как в крестьянской семье, в то время как все ушли в поле на работу, упал с лавки и разбился насмерть ребенок. Его родителям угрожало судебное разбирательство. Поп-заступник спас их, засвидетельствовав естественную смерть ребенка. Характерно, что церковный журнал «Православное обозрение» в своей рецензии на сборник Федосовой отрицательно отзывался об этом причитании. Если в «Плаче о попе, отце духовном» родителям погибшего ребенка

угрожало судебно-медицинское расследование, которого удалось избежать¹, то в «Плаче о потопших» эта тема становится одной из главных. Девушка, перенесшая гибель отца и брата, скитавшаяся по безлюдному острову в ожидании голодной смерти, спасена рыбаками и радуется своему возвращению в деревню. Но как только она появляется на берегу, ее подвергают оскорбительному допросу. Приезжает становой, и допрос повторяется.

«Плач о потопших» — одно из причитаний И. А. Федосовой, которое удалось прокомментировать благодаря полицейскому сообщению. 30 сентября 1867 года «Олонецкие губернские ведомости» писали: «Крестьянин Петрозаводского уезда Ругозерского общества Василий Радионов вместе с сыном своим Адрианом Васильевым, дочерью Марьею и крестьянином Василием Петровым в последних числах августа отправились из своей деревни на противоположный берег озера Онеги, к Тимбас-губе, для сбора мха. На возвратном пути, 28 августа, их застигла буря и понесла лодку в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к острову Сосновцу в четырех верстах от деревни Шуровой. Здесь Радионов и сын его сразу же умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином деревни Королевской Иваном Андриановым». Описанное происшествие произошло в нескольких верстах от Кузаранды, где жили родственники Федосовой и где она, вероятно, провела август 1867 года. Особенная лиричность плача, возможно, объясняется еще и тем, что при подобных же обстоятельствах за три года до происшествия в Тим-

¹ Характерно, что в «Кому на Руси жить хорошо» Матрене Тимофеевне не удается избежать оскорбительного и непонятного для нее судебно-медицинского вскрытия тела Демушки, погибшего при таких же обстоятельствах.

бас-губе погибли родные Федосовой. Об этом тоже сообщали «Олонецкие губернские ведомости» 1 августа 1864 года. В происшествии Федосову особенно поразила судьба девушки, заброшенной волнами на безлюдный и незнакомый остров и чудом спасшейся от гибели.

В плаче «Об у пьянеливой головушке» исход следствия благополучен, но столь же оскорбительно для вдовы подозрение в отравлении покойного. Вдове покойного кажется неожиданным и странным, что исправник «не страшал ... победну, не сполохал» (т. е. не пугал), а рассудил по-хорошему. В «Плаче об убитом громом-молнией» внезапная смерть крестьянина грозит несчастьем не только семье причитывающей, но и всей общине. В этой связи вспоминаются «Кому на Руси жить хорошо» и другие классические примеры. В XV главе «Былого и дум» А. И. Герцен дважды рассказывает о подобных случаях. Он пишет: «Попадется ли мертвое тело исправнику со становым, они его возят две недели, пользуясь морозом... и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне». Земляки Федосовой, так же как крестьяне, о которых пишет А. И. Герцен, в таких случаях готовы откупиться всем, лишь бы избежать судебного следствия, от которого они не ждут ничего хорошего.

Во втором томе «Причитаний Северного края», целиком посвященном солдатчине и рекрутчине, подобная тема — безнравственность начальнического отношения к крестьянам — звучит постоянно. «Начальство» не понимает душевного состояния рекрута и провожающих; оно не дает им даже проститься при расставании. Не позволяют проститься с родными и солдатам, отправляющимся на войну. Федосова рассказывает о возмутительном случае разгона женщин, провожавших рекрутов, при помощи пожарных брандспойтов. Наивысшего накала достигает эта тема при описании тягот солдатской службы. В одном из причитаний по солдату

Федосова вспоминает, как его обривали наголо в губернском воинском присутствии и как это было, по крестьянским понятиям, оскорбительно. Она проклиная обидчиков:

Быдьте прокляты злодин супостаты!
Вергай¹ скрозь землю ты нехристь вся поганая;

И кабы мне да это бритва наостренная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорола бы я груди этой некрести...

Таким образом, социальная тема в причитаниях Федосовой вырастает из обыкновенных бытовых обстоятельств. Жизнь приняла такие формы, что любое общение с чиновниками (иных представителей господствующих классов заонежские крестьяне почти не знали) становится нравственным столкновением, каждое их вмешательство в крестьянскую жизнь оскорбительно для крестьян, кощунственно. Взаимопонимание между ними невозможно. Чиновникам (вспомним метафорическое олицетворение этой силы в образе крестьянского Горя) противостоит весь крестьянский мир, община, от беднейшего крестьянина до старосты, писаря и даже в некоторых случаях сельского попа. На фоне простейших жизненных событий рисуется картина всеобщего социального конфликта, характерного для пореформенного времени. Разумеется, Федосова не поднимается до политического осмысления социальной конфликтной ситуации, она просто переживает ее. Нам важно было показать, что Федосова, опираясь на богатейшую традицию севернорусской причети, издавна дававшей крестьянским женщинам возможность выражать свои горестные чувства в тяжелейшие минуты их жизни, была вместе с тем не просто хранительницей этой тра-

¹ Провались.

диции, она со свойственным ей удивительным талантом овладела ею, сумела приспособить ее для выражения своих переживаний и своих чувств. Вместе с тем время, в которое она жила, было таково, что, оставаясь в кругу своих семейных и деревенских впечатлений, выражая именно свои горести, она одновременно становилась выразительницей горя заонежского и даже еще шире — всего тогдашнего русского крестьянства. Каждое личное горе становилось частью общего горя, находило в нем свое объяснение, свои причины, сливаясь в почти мифологический образ Горя, которое черным вороном кружит над Россией.

Из семнадцати причитаний первого тома только названные шесть столь остры в социальном отношении. Остальные рисуют как бы события более обыкновенные — смерть мужа, сына, дочери, брата, крестницы, дяди, свата и т. д. Не следует думать, что речь идет каждый раз о семье самой И. А. Федосовой, но, вероятно, все это вполне конкретные случаи, о которых Федосова вспоминала, диктуя Барсову. Мы, например, знаем, что Федосова не хоронила взрослых детей — сына или дочь, как это будто бы следует из записанных от нее причитаний. Дети ее умерли маленькими, а ее воспитанник — приемный сын, о котором мы говорили, пережил ее. Видимо, при создании этих причитаний Федосова припоминала случившееся не только в ее семье, но и в других семьях ее деревни или в соседних деревнях. Вполне вероятно, что она участвовала в похоронах покойников, которых она вспоминала в 1867 году и даже причитывала на этих похоронах, однако, очевидно, импровизация для записи не была просто воспроизведением старых, когда-то звучавших причитаний. Обратим внимание на то, что Федосова здесь причитывает не как родственница или односельчанка, пришедшая на похороны, а как вдова, мать, потерявшая сына или дочь, сестра, потерявшая брата и т. д.

Следовательно, момент перевоплощения несомненен, и он свидетельствует об особой одаренности И. А. Федосовой.

При знакомстве с первым причитанием, помещенном в первом томе, мы убеждаемся в этом еще раз. Причет огромен по своим размерам. На сорока четырех страницах умещается более тысячи двухсот строк. Характерны ремарки: «А если есть дети — продолжает» или «Если молода». Следовательно, здесь воспроизведены как бы типовые тексты, причитания от имени вдовы или матери перемежаются ответными причитаниями женщин, к которым обращается причитывающая. Вместе с тем они наполнены очень живым и весьма конкретным содержанием. Главное для Федосовой — представить себе определенную психологическую ситуацию. Умершего человека жаль, но всегда жаль и тех, кто остался в живых. В их жизни со смертью покойного обязательно что-то изменится. Именно это предчувствие последствий вместе с переживаниями по поводу самой смерти и составляют то важнейшее, что обуславливает человеческую и поэтическую ценность федосовских импровизаций.

Смерть мужа-кормильца или уход его в армию лишали крестьянку надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями жизни. Горе вдовы, солдатки, сироты переживается Федосовой, как горе бесправнейшей среди бесправных. С удивительной нежностью и щемящей тоской передает, например, Федосова отчаяние одинокой женщины, вынужденной заставлять малых детей работать в поле, а «недоростка» племянника хозяйничать у печки. Но никакие усилия не спасают ее от разорения; приходит время платить подати, и она вынуждена продать скотину и отказаться от земли. Однако не только эти внешние обстоятельства вдовой жизни или жизни солдатки волнуют Федосову. В не меньшей степени ее волнует то, что можно было бы

назвать социальным самочувствием ее героинь, женщин, от имени которых она причитывает. Вдова-сноха бесправна не только как член общины, но и в большой крестьянской семье ее жизнь складывается очень сложно и тяжело. Если она чрезмерно грустна, ее будут упрекать в безучастном отношении к делам семьи, если ей весело — будут говорить, что она забыла покойного. Как бы ни были ухожены дети, досужие кумушки обязательно найдут в чем-нибудь изъян и непременно напомнят о том, что они сироты. Вот как, например, рисуется ужин в семье, в которой вынуждена жить овдовевшая:

Да я слажу им тут ужины вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с-за тульица, с-за липинки поглядываю,
Засвирипятся ветляны тут нешутушки (т. е. невестки.— К. Ч.)
На меня да на кручинную головушку:
«Што торопишься за ужину вечернюю?
Знать, спешисься на покойну, темну ноченьку!»
Оны искоса ведь все тут заглядывают,
Со всей лихостью оны да разговор держат:
«Не устали твои белые там рученьки,
Не работушку сегодня работала е,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала!»

В плаче по дочери рисуется сложнейшая с точки зрения тогдашней крестьянской этики и психологии ситуация — дочь умерла от тайной беременности. Можно себе представить, что мать на действительных похоронах дочери постаралась бы не обмолвиться о тайне, которую дочь хотела унести в могилу. В причитании же Федосовой, которое она исполнила Барсову для записи, открыто говорится о причине смерти, так как Федосовой надо воссоздать психологическую ситуацию, без которой не ясна была бы поэтическая суть исполненного причитания.

Второй том «Причитаний Северного края», о котором мы отчасти уже говорили, вышел только через десять лет после первого. Объясняется это не только финансовыми затруднениями, которые испытывал Е. В. Барсов как издатель, но и цензурными обстоятельствами. Еще в первом томе ему пришлось сделать некоторые цензурные изъятия. Тексты второго тома в этом смысле доставили Барсову еще больше хлопот. Социальная тема во втором томе приобретала как бы государственный и даже политический характер. Здесь изображались не деревенские неурядицы, а жизнь армии, ответственность за которую возлагалась на царское правительство. Это не значит, что в 1868 году, когда шла запись рекрутских и солдатских причитаний, Федосова стала мыслить политически. Но публикация записанных от нее причитаний могла приобрести политический характер. Поэтому Барсову пришлось выждать время (впрочем, может быть, он это делал по своей инициативе, а не под давлением цензуры, известно, что интерес к фольклору он сочетал с весьма консервативными политическими взглядами), прежде чем рекрутские и солдатские причитания можно было предложить читателю как документы прошлого. В 1882 году цикл так называемых «военных реформ», несколько облегчивших русскую рекрутчину и солдатчину, был позади.

Второй том состоял из четырех огромных текстов — «Плачи по холостом рекруте», «По рекруте женатом», «При побывке солдата на смерть своего отца» и «При проводах солдата с побывки» — и четырех небольших текстов, записанных от других исполнительниц, составивших вместе не более пятнадцати страниц. Рецензий на второй том было несколько меньше, но это не помешало ему сразу же занять свое место среди наиболее капитальных и авторитетных изданий русского фольклора. Значительный интерес представляет рецензия академи-

ка Л. Н. Майкова, напечатанная в «Журнале министерства народного просвещения». Это по существу первое исследование о Федосовой в русской фольклористической литературе. Развивая точку зрения, уже высказанную им за десять лет до этого в рецензии на первый том, Майков называет тексты второго тома «поэмами», а Федосову «народной поэтессой». Он тщательно выписывает сведения о ней, которые Барсов сообщал еще в первом томе. «Уже по этим немногим чертам, которые мы извлекли из книг г. Барсова,— продолжает Л. Н. Майков,— можно видеть, что Ирина Федосова — личность необыкновенная, натура даровитая, способная к творчеству, и это еще больше утверждает нас в предположении, что в плачах, от нее записанных, следует допустить известную долю личного создания и видеть нечто большее, чем обыкновенные народные причитания. Г. Барсову следует поставить в большую заслугу, что он по всей справедливости оценил эту народную женщину-поэта и отвел ей главное и почетное место в своем сборнике». Л. Н. Майков несомненно был прав не только в своей оценке таланта И. А. Федосовой, но и в понимании отличий федосовских плачей-поэм от традиционных причитаний. Через три года, когда обсуждался вопрос о присуждении Барсову награды гр. Уварова за изданный им сборник, Л. Н. Майков в своей рекомендации снова возвращается к этому вопросу. «И действительно,— отмечал он,— причитания Ирины Федосовой мало назвать даже сводом нескольких плачей: из отдельных плачей она сложила целую поэму, и даже не одну, на тему рекрутского обряда. Нечто подобное содержит в себе и третий плач Ирины, рисующий целую картину побывки солдата на родине, и еще более — четвертый плач, изображающий частный случай такой побывки, когда отпускной солдат не застаёт уже своего отца в живых: весь последний плач ведется в форме рассказа от вoplеницы».

Рекрутские причитания Федосовой воспринимались читателем тех лет в совершенно определенной традиции. Вспоминалось прежде всего радищевское описание проводов рекрута, включавшее, кстати говоря, первое в русской литературе изложение рекрутского причитания, и известные некрасовские строки, написанные в связи с Крымской войной:

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.

Как известно, солдатская тема в творчестве Некрасова, начатая стихами о Крымской войне 1853—1856 годов, была продолжена «Ориной, матерью солдатской» и другими стихотворениями. В истории русской поэзии причитания Федосовой заняли место рядом с ними. В причитаниях воспроизводятся в основном факты конца 50-х — начала 60-х годов, слышится упоминание о Крымской войне, рассказывается о рекрутском и солдатском житье-бытье в годы затянувшейся военной реформы 1862—1874 годов. Так же как и некрасовская «Орина, мать солдатская», они показали, как мало дала военная реформа солдату, несмотря на сокращение срока службы и другие послабления. Через пять лет после выхода в свет второго тома О. Х. Агренева-Славянская записала от Федосовой сходные рекрутские причитания, которые, однако, не были повторением уже опубликованных. В них слышались уже отголоски военных событий 1876—1878 годов. И после реформ русская армия сохраняла свой крепостнический характер. Обращение с солдатами было по-прежнему бесчеловечным.

Традиция рекрутских причитаний исторически возникла позже похоронных, однако многое от них унаследовала. Расставание с рекрутом было в старой русской деревне трагическим событием. Будущий солдат

мог погибнуть на войне, но если он и возвращался, то его порой постигала такая же участь, как и сына Орины из стихотворения Некрасова «Орина, мать солдатская». В армии солдат долгие годы вынужден был терпеть нечеловеческие мучения: муштру, зуботычины, избивание плетью, карцер. В русской армии до предреволюционных десятилетий продолжал действовать принцип, сформулированный еще в XVIII веке одним из генералов: «Дайте мне двух мужиков, я сделаю из них одного солдата».

Социально-психологическое напряжение солдатских и рекрутских причитаний Федосовой, их поэтическая сила постоянно привлекали к себе внимание русских литераторов и общественных деятелей. Их высоко ценил В. И. Ленин.

О знакомстве В. И. Ленина с причитаниями И. А. Федосовой и его впечатлениях о них вспоминали С. М. Буденный, В. Д. Бонч-Бруевич и Д. Бедный. Вскоре после переезда советского правительства в Москву в марте 1918 года, в месяцы некоторой передышки после Брестского мира, когда шла напряженная работа по созданию новой армии, В. И. Ленин говорил о необходимости тщательно изучать настроения крестьянства, его жизнь, быт, его стремления, его экономические и социальные традиции. Об этом же свидетельствует его постоянный интерес к рассказам людей, побывавших в деревне, беседы его с крестьянскими ходоками, его отклик на книгу А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом» и многие другие факты. Как следует из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, несмотря на крайнюю занятость, Ленин в эти месяцы неоднократно обращается к фольклорным сборникам, которые, по его мысли, должны были помочь проникнуть в психологию крестьянства. В этой связи становится понятным и известный отзыв В. И. Ленина о сказках (после чтения сборника Н. Е. Ончукова), в которых он увидел интересный мате-

риал для изучения чаяний и ожиданий народа под социально-политическим углом зрения. Характерно, что в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем В. И. Ленин говорит не только об историко-познавательном, но и об актуальном значении изучения сказок («Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»). Не удивительно, что в эти же месяцы он внимательно прочитал второй том «Причитаний Северного края» и испещрил его поля своими пометками. В рекрутских причитаниях этого тома Ленин увидел поэтическое выражение традиционного отношения русского крестьянства к старой армии. В. Д. Бонч-Бруевич так передает состоявшуюся беседу: «Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи»¹, на которые обратил он особое внимание. — Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека. Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого² и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение. Даже здесь в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».

Когда вышел второй том «Причитаний», И. А. Федосова жила еще в Петрозаводске. Мы не знаем, сохраня-

¹ Сокращенное название II тома сборника Федосовой «Причитания Северного края. Часть II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. Изданы при содействии Общества любителей российской словесности». М., 1882.

² Имеется в виду статья Л. Н. Толстого «Николай Палкин».

лась ли в эти годы ее связь с Барсовым и знала ли она о том, что ее причитания напечатаны в двух специальных книгах. Она была неграмотной и сама прочитать их не могла. В 1884 году И. А. Федосова возвращается в Кузаранду. А в 1885 году выходит третий том «Причитаний Северного края», завершивший знаменитую трилогию. Е. В. Барсову не удалось издать третий том отдельным изданием. Он был напечатан в двух выпусках «Чтений в Обществе истории и древностей российских» (III и IV). В нем дается уникальное по своей полноте собрание свадебных причитаний, занявшее двести тридцать девять страниц. Причитания расположены здесь в том порядке, в каком они могли бы быть исполнены по ходу обряда.

Свадебные причитания Федосовой — образец столь же блестящего использования традиции и талантливой импровизации, как и причитания первого и второго томов. В них сказался опыт многолетней «правительницы свадеб», знаменитой в свое время по всему Заонежью. Еще в конце 40-х — начале 50-х годов нашего века в Кузаранде помнили, как она причитывала на свадьбах. В то же время несомненно, что соотношение традиционного и индивидуального начала в свадебных причитаниях несколько иное, чем в похоронных и рекрутских, тексты их более традиционны. Поэтому записи от Федосовой, составившие третий том, следует воспринимать как обогащение богатейшей севернорусской традиции, которой столь великолепно владела Федосова.

Через полгода после публикации третьего тома в «Чтениях» и через девятнадцать лет после первой встречи с Барсовым случай свел Федосову с двумя собирателями — фольклористом Ф. М. Истоминым и музыковедом Г. О. Дютшем, которые были командированы Песенной комиссией географического общества в Олонецкую и Архангельскую губернии для записи песен и их мелодий. Собиратели искали Федосову в Петроза-

водске, но она там уже не жила. Они случайно встретили ее на пароходе. Началась запись, но удалось записать только одну свадебную песню («Пивна ягода по сахару плыла»). Дальнейшей работе помешала буря, разыгравшаяся на озере. И все же эта встреча не прошла бесследно ни для И. А. Федосовой, ни для русской фольклористики. Вскоре «Пивна ягода» — одна из характернейших севернорусских свадебных песен — в записи от Федосовой была опубликована в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша «Песни русского народа». Позднее она вместе с другими песнями была гармонизирована одним из крупнейших русских композиторов того времени М. А. Балакиревым и печаталась в его сборниках 1898 и 1900 годов «30 песен русского народа», которые, по словам исследователя фольклористической деятельности М. А. Балакирева Е. В. Гиппиуса, представлял собой «первый в русском музыкальном искусстве опыт художественной обработки песен русского севера». При этом, разумеется, имеются в виду не севернорусские былины, которые уже достаточно были известны фольклористам, филологам и музыковедам, а именно севернорусские лирические песни, в том числе и свадебные. Вскоре эта же песня была использована С. М. Ляпуновым в «Торжественной увертюре на русские темы».

Вскоре, вероятно по рекомендации Истомина и Дютша, Федосова была приглашена женой известного певца и организатора первого в России хора русской народной песни Дмитрия Славянского Ольгой Христофоровной Агреновой-Славянской в ее тверское имение Кольцово для записи свадебных песен и причитаний. В 1887 году исполнялось двадцатипятилетие артистической деятельности знаменитого певца, и Агренева хотела издать сборник свадебных песен в своей записи в подарок мужу к юбилею. Сборник получил название «Описание русской крестьянской свадьбы» и был издан в трех

выпусках 1887—1889 годах. Первые два тома давали развернутое описание свадебного обряда с большим количеством песен и причитаний. Третий выпуск был по существу приложением к первым двум. В нем собрано все, что было попутно записано О. Х. Агреновой-Славянской от Федосовой и некоторых других исполнителей. Федосовой здесь принадлежит одиннадцать причитаний, две былины, две исторические песни, девять духовных стихов, восемь экспромтов-величаний, несколько лирических и балладных песен и полсотни пословиц и поговорок.

Записи Агреновой во многих отношениях уступают записям Барсова. Она не сумела уловить действительную структуру причитаний Федосовой, плохо справилась с передачей заонежского диалекта. Не исключено, что и обстановка барского поместья стесняла Федосову. С этой точки зрения удивителен экспромт, напечатанный Агреновой под портретом Федосовой в первом томе и, по-видимому, не понятый составительницей сборника:

Я ем да пью,
Да и челом не бью;
Ем я досыта,
Пью я долюбя;
В дело нос не ткну,
Да и перстом не щелкну!

Трудно себе представить, как севернорусская крестьянка, привыкшая к традиционной деликатности, могла сказать, что она в чужом доме ест и пьет и, несмотря на это, «челом не бьет». За всем этим, вероятно, стояли какие-то сложности во взаимоотношениях собирательницы и исполнительницы. Вместе с тем, это вполне отвечает нашим представлениям о человеческом достоинстве северных крестьян, приехала из нищей деревни в барское имение, и все-таки — «челом не бью». (Вспоминается рябининское: «Я по этим делам никому должен не оставался!»)

Тексты Федосовой в записи Агреновой не производят столь сильного впечатления, как это можно было ожидать. Возникает вопрос: не начал ли к этому времени оскудевать ее удивительный талант? По-видимому, все-таки нет. Этому противоречило бы все, что написано о ней в 90-е годы. К тому же и лет ей было тогда не так уж много. Всего пятьдесят шесть лет. Собиратели неоднократно записывали от исполнителей, которые были значительно старше (например, Т. Г. Рябинину, когда он приезжал в Петербург, было восемьдесят лет, восемьдесят с лишним лет было Ф. А. Конашкову в конце 30-х годов нашего века, когда он неоднократно выступал с пением былин и рассказыванием сказок в Петрозаводске, Москве, Ленинграде). Агренова писала о Федосовой: «Эта женщина... совершенно седая и сгорбленная, но полная энергии и ума... Память у этой старухи изумительная и речь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духом старинной поэзии, что при всяком удобном случае говорит экспромты, склад которых совершенно напоминает распеваемые ею старинные песни».

После Кольцова Федосова снова живет несколько лет в Кузаранде. С 1894 года начинается период наивысшей славы Федосовой. Известия о ней несколько лет буквально не сходили со страниц местных и столичных газет. В июле этого года преподаватель петрозаводской гимназии П. Т. Виноградов, которого мы уже знаем по его поездкам с И. Т. Рябининым, разыскал Федосову в Кузаранде и предложил ей поехать в Петербург для исполнения причитаний и песен. Он, видимо, хотел продолжить демонстрацию знатоков русского фольклора Карелии столичной общественности. Впоследствии, вспоминая о своей первой встрече с Федосовой, Виноградов писал, что когда он «отыскал ее в глухой деревушке и уговаривал ее ехать в Петербург, она обратилась к нему с просьбой написать ей под диктовку письмо»,

и он «был поражен, когда увидел, что письмо вышло в стихах». Теперь мы знаем, что никакого преувеличения в этом сообщении не было, одно из писем Федосовой (к Е. В. Барсову в 1887 г.) недавно было впервые опубликовано. Об этом же говорят и рождественские и новогодние экспромты-величания в III выпуске «Описания» Агреновой и цитированные выше строки.

Мы уже писали о том, что в последние пять лет жизни И. А. Федосовой в прессе того времени появилось значительное количество статей, очерков и заметок с ней. Вместе с тем новые записи почти не публиковались. Объясняется это тем, что именно в эти годы было задумано новое капитальное издание записей от Федосовой. Готовил его П. Т. Виноградов при участии и под покровительством Т. И. Филиппова, игравшего в те годы большую роль в организации работ Песенной комиссии Русского географического общества. В конце 1895 года «Олонецкие губернские ведомости» сообщили: «Есть слухи, что готовится новое полное издание всего, так сказать, репертуара Федосовой, в которое войдет весь тот песенный запас, который она хранит в своей феноменальной памяти». На страницах «Одесских новостей», где был опубликован очерк о Федосовой, А. М. Горький писал со слов П. Т. Виноградова: «В скором времени государственный контролер Филиппов — любитель и знаток древней русской поэзии — выпустит четыре тома импровизаций, причитаний, воплей, былин, духовных, обрядовых и игровых песен Федосовой». Однако завершению работы над сборником и изданию его, вероятно, помешала смерть Т. И. Филиппова (1899 год). Дальнейшая судьба рукописи, к сожалению, неизвестна. Таким образом, многочисленные отклики печати 90-х годов в отличие от 70—80-х были связаны не с публикациями и не имели характера рецензий, это, главным образом, сообщения о ее публичных выступлениях, впечатления от них, рассказы о ее жизни с ее слов или со

слов П. Т. Виноградова, сообщения о литераторах, композиторах, ученых и общественных деятелях, присутствовавших на ее вечерах и т. д. и т. п. Мы не можем их здесь обозреть. Попробуем только нарисовать общую картину ее выступлений, их размах и смысл, и остановимся на тех отзывах и воспоминаниях, которые дают особенно интересные данные для понимания Федосовой как человека и исполнительницы различных фольклорных жанров, преимущественно причитаний.

Федосова, как и ее земляки отец и сын Рябинины, была приглашена в Петербург Русским географическим обществом. 4 января петербургские газеты сообщили о ее приезде. 11 января должно было состояться ее выступление на заседании Этнографического отдела. Однако в первые же дни после приезда ее наперебой начинают приглашать разные организации, интересующиеся народной поэзией. 8-го и 10-го состоялись ее публичные выступления в большом зале Соляного городка — важнейшем культурном центре тогдашнего Петербурга. 11-го она выступает дважды — на заседании в географическом обществе и на общем собрании Академии наук, 15-го — на вечере в Археологическом институте. Отъезд ее из Петербурга был первоначально назначен на 13 января. Газеты уже сообщили об этом своим читателям, однако председатель песенной комиссии РГО предложил ей остаться в Петербурге и поселиться в его доме. Федосова приняла это предложение и прожила в доме Т. И. Филиппова до весны 1899 года, т. е. более четырех лет. Выступления ее продолжались. В конце января в газете «Новости и биржевая газета» читатели могли прочесть: «Нас просят заявить, что находящаяся в Петербурге «сказительница» народных былин и вопле-ница Ирина Федосова проживает в квартире государственного контролера тайного советника Т. И. Филиппова; лиц, желающих пригласить Федосову к себе для пения, просят обращаться к швейцару (Мойка, 74)».

Сколько раз и где выступала Федосова в Петербурге до конца 1895 года, установить трудно. Известно, что ее приглашали с пением былин и исполнением причитаний в гимназии и частные дома. Так, например, 23 января она выступала перед учащимися Рождественской гимназии. Ее вечера состоялись в домах К. П. Победоносцева, гр. Шереметева, видимо, неоднократно в доме Т. И. Филиппова и др.

На одном из вечеров в доме Т. И. Филиппова ее слушал известный создатель оркестра русских народных музыкальных инструментов В. В. Андреев и молодой тогда еще Ф. И. Шаляпин. Спустя много лет он вспоминал: «В. В. Андреев особенно близко к сердцу принимал мои неурядицы и старался всячески быть полезным мне, расширяя круг знакомств, поучительных для меня. Однажды он привел меня к Третью Филиппову, о котором я уже слышал как о человеке значительном в мире искусства, приятеле Островского, поклоннике всего самобытного. Здесь я увидел знаменитую «сказительницу» Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно сказывала эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче, Добрыне, о «его поездочках молодецких», о матери его, о любви. Передо мною воочию совершалось воскресение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка».

Дело не только в том, что Ф. И. Шаляпин высоко оценил исполнительское мастерство Федосовой, хотя и это немаловажно. Шаляпин в те годы, как он сам пишет, переживал полосу неудач, он искал и отрабатывал свою манеру пения в опере, которая вскоре оказала сильнейшее влияние на мировое оперное искусство. Ему удалось органически сочетать достижения драма-

тического театра и оперы. Он сумел стать не только певцом, но и великим драматическим актером. «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров,— пишет он далее.— Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека».

Авторы заметок и статей в тогдашних газетах и журналах не стремились перечислить всех присутствовавших на вечерах Федосовой. И тем не менее сохранились сведения о том, что на них были, кроме названных уже В. В. Андреева и Ф. И. Шаляпина, великие композиторы Н. А. Римский-Корсаков и М. А. Балакирев, крупнейшие литературоведы того времени А. И. Соболевский, Л. Н. Майков, В. И. Ламанский и др.

Статьи и заметки о И. А. Федосовой, появлявшиеся в эти годы, подробно сообщают о том, что исполняла Федосова, передают впечатления от ее исполнительской манеры, мастерства, особенностей ее поведения на публичных вечерах и т. д. Естественно, что И. А. Федосова исполняла не только причитания, это было бы просто невозможно. Причитания — жанр не концертный. Они чередовались с песнями лирическими, свадебными, былинами. Судя по сообщениям прессы и отдельным публикациям, она знала не менее шестидесяти песен, две былины («Добрыня и Алеша» и «Смерть Чурилы»), одну историческую песню («Гнев Грозного на сына»), три баллады («О братьях-разбойниках», «Василий и Софья» и «Казань-город»), десять духовных стихов. Видимо, она знала и сказки. Само по себе это не так и много. Однако мы знаем, что песни не были для нее столь важны, как причитания.

В июле 1895 года Федосова встречалась с А. Толиверовой, одной из замечательнейших русских женщин второй половины XIX века — шестидесятницей, русской

«гарибальдийкой», а потом известной детской писательницей, одной из создательниц русской детской прессы и детской литературы. Они провели вместе весь день. А. Толиверова рассказала о своих впечатлениях этого дня в большом очерке «Ирина Андреевна Федосова», напечатанном в журнале «Игрушечка», который она издавала. «На вид маленькая, худенькая старушка с добрыми глазами оказалась в высшей степени занимательной,— писала А. Толиверова,— ...она появлялась то в учебных заведениях, то в частных домах, собирая подле себя постоянно целую толпу слушателей». Краткий, но выразительный рассказ о жизни И. А. Федосовой был удачно дополнен описанием ее сказительской манеры и отрывками из различных произведений, исполненных для А. Толиверовой. Полностью были даны сказка «Волк и лисица», две свадебные песни, песня «Во лужях», колыбельная песня и в отрывках причитание жены по мужу и причитание невесты. К очерку был приложен один из лучших известных нам портретов И. А. Федосовой («Игрушечка», 1895, № 8). Таким образом, уже в конце прошлого века, после целого ряда выступлений в петербургских гимназиях (а еще раньше в петрозаводской гимназии), о Федосовой начали писать в русской школьной прессе. Позже она по праву заняла свое постоянное место на страницах школьных учебников. Жизнь и творчество ее стали достоянием русского национального сознания, неотъемлемой частью поэтического наследия русского народа.

Еще одна замечательная встреча, о которой мы должны рассказать, произошла в начале 1895 года. 8 и 10 января на упоминавшиеся вечера в Соляном городке приходил Н. А. Римский-Корсаков и, живо заинтересовавшись исполнительницей, сделал запись девяти ее мелодий. По мнению музыковедов они были использованы позже в операх «Садко», работу над которой он

закончил в 1896 году (ария Любавы из VIII картины), и «Сказание о граде Китеже» (ария Февроньи).

В декабре 1895 года И. А. Федосова в сопровождении П. Т. Виноградова отправилась в Москву. Первое ее выступление здесь состоялось 24 декабря на квартире у крупнейшего русского фольклориста конца XIX — начала XX века академика В. Ф. Миллера. Среди гостей были известные литераторы академик Ф. Е. Корш, профессор А. Е. Грузинский, позже вспоминавший об этом вечере в очерке «Иоганна Амброзиус и Ирина Федосова», старый знакомый Федосовой Е. В. Барсов, известный антрополог и этнограф академик Д. Н. Анучин и др. «Ирина Андреевна,— пишет присутствовавший на этом вечере В. В. Богданов, воспоминания которого мы уже цитировали, держалась просто и свободно. Такое многолюдное собрание не смущало ее. «У нас на свадьбе больше бывает»,— говорила она. О том же пишет и А. Е. Грузинский: «Эта низенькая, полная старушка, которой было тогда под семьдесят лет (в действительности И. А. Федосовой было в то время шестьдесят четыре года.— К. Ч.) производила прямо необыкновенное впечатление своей живостью, умом и увлечением, с которым она пела и говорила о своих плачах. Она чувствовала себя в большом обществе словесников и этнографов совершенно естественно и непринужденно; ее речь искрилась юмором и тонкой наблюдательностью, меткие поговорки и пословицы сыпались на каждом шагу и всегда кстати. Она отдавалась своему пению и говорила о нем так одушевленно, как может это делать истинный артист, вы наглядно убеждались, что в свою профессию этот человек привык вкладывать лучшие, живые силы души... Общее впечатление было неотразимо: мы видели перед собой крупную поэтическую натуру, выдающуюся художницу-артистку».

За первым московским выступлением на квартире у В. Ф. Миллера последовали два вечера в московских

ученых обществах — Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (3 января), в здании Политехнического музея и славянской комиссии Московского археологического общества (4 января) и затем еще два — в Историческом музее — для широкой публики (6 и 7 января). О том значении, которое придавала московская научная общественность этим выступлениям, можно судить по вступительным словам к ним. В Политехническом музее его произнес В. Ф. Миллер, в Археологическом обществе академик А. Е. Крымский. На вечере в Политехническом музее произошел тот примечательный эпизод импровизации причитания на заданную тему, который закончился обмороком одной из присутствовавших на вечере дам, незадолго до этого потерявшей дочь.

Между выступлениями И. А. Федосовой в Археологическом обществе и Историческом музее член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Ю. И. Блок записал ее на фонограф. Сейчас, в эпоху массового распространения магнитофонов, это событие не кажется особенно примечательным. Однако оно исключительно важно и достойно того, чтобы войти в историю русской культуры.

Фонограф был изобретен Т. Эдисоном в 1877 году. Это был первый в истории мировой техники аппарат для механической записи и воспроизведения звука. В середине 90-х годов он был большой редкостью даже в Америке — стране, где он впервые появился. В России же это был фонограф, подаренный Ю. И. Блоку самим Эдисоном в качестве рекламного экземпляра. Эдисон стремился заинтересовать им русских покупателей. Фонограф был впервые применен Ю. И. Блоком в 1894 году при записи былин И. Т. Рябинина. Эти записи были расшифрованы впоследствии А. С. Аренским, о чем уже упоминалось в предыдущем очерке. Записи же от Федо-

совой только недавно обнаружены на старых восковых валиках из коллекции Ю. И. Блока, которая считалась потерянной. В настоящее время валики реставрированы, и это дало возможность их наконец расшифровать. В ближайшее время записи эти будут опубликованы.

После возвращения из Москвы и намереваясь дальше жить в Петербурге у Т. И. Филиппова, И. А. Федосова решила навестить родное Заонежье, где она не была уже почти год. 3 марта 1896 года она приехала в Петрозаводск и после выступления 6 марта в зале Мариинской женской гимназии направилась санным путем в Кузаранду, где пробыла до второй половины мая того же года.

За эти два — два с половиной месяца она успела совершить многое. «Большуха» — теперь вдова Тимофея Федосова — связывала с приездом золовки надежду поправить хозяйство. Незлопамятная Федосова действительно помогла родным. Сборы от публичных выступлений позволили ей вернуть часть проданных богатым земельных участков, обновить нехитрый крестьянский инвентарь, женить воспитанника Ивана Тимофеевича и снабдить его деньгами на первый случай. Помогала она и каким-то бедным односельчанам — об этом вспоминали кузарандцы еще в 50-е годы нашего века. Все это вполне естественно и соответствовало заонежским традициям.

Однако И. А. Федосова не ограничилась традиционными видами родственной взаимопомощи. В 1895 году в газетах и журналах несколько раз упоминалось о том, что часть денег, полученных за выступления, она решила пожертвовать на строительство школы для крестьянских детей и на покупку книг для этой школы (газеты «Новое время», «Свет» и др., журнал «Игрушечка»). Мы не знаем, посылала ли она деньги в 1895 году. По воспоминаниям Ф. И. Прохорова, учительствовавшего в то время в Кузаранде, она привезла их сама в марте

1896 года. Он писал: «Видел Ирину Андреевну Федосову в 1896 году, когда она приезжала домой на побывку. В этот приезд она пожертвовала 300 рублей на постройку школьного здания. По тем временам это были огромные деньги, вполне достаточные на оборудование школы. До 1896 года школа в Кузаранде не имела специального здания, для занятий нанимали частные дома».

«Ирина Андреевна,— сообщает он далее,— была старушка невысокого роста, хромая. Я ходил к ней благодарить за пожертвование на школу. Встретила она меня очень любезно, приветливо. Побеседовали о школе — расспрашивала, сколько учеников, как учатся, как родители относятся к школе. Была недовольна, что мало девочек учится, говорила: «Ты девочек, девочек больше учи!»

И еще одно дело для «общества», как говорили тогда крестьяне. Кузарандцы вспоминали, что после реформы 60-х годов они лишились права рубить лес на Пудожском берегу, что было для них настоящим бедствием, потому что в Заонежье и тогда уже леса было мало, особенно строительного.хлопоты о выделении лесной дачи тянулись почти тридцать лет. Федосова предложила поручить это дело ей и действительно по возвращении в Петербург добилась решения в пользу земляков.

24 мая 1896 года И. А. Федосова и П. Т. Виноградов выехали из Петрозаводска в Петербург. Здесь Федосову ожидало приглашение посетить Америку. Вероятно, оно было результатом того, что в 1895—1896 годах некоторые западноевропейские и американские газеты сообщали о ее выступлениях в Петербурге и Москве. Кроме того, известно, что в 1895 году председатель англо-русского Литературного общества доктор Казалета запросил у Виноградова реферат о Федосовой, чтобы огласить его на заседании общества. Но И. А. Федосова отказалась от столь дальней поездки. Предстояли длительные «гастроли» в Нижнем

Новгороде, где 28 мая должно было состояться открытие Всероссийской художественно-промышленной выставки. Именно поэтому П. Т. Виноградов сопровождал ее на пути из Петрозаводска в Петербург. Поездку в Нижний Новгород им предстояло совершить снова вместе.

9 июня выступлением в концертном зале выставки начался третий и самый продолжительный цикл публичных выступлений И. А. Федосовой. За два летних месяца она не менее двадцати раз выступала в Нижнем Новгороде и три раза в Казани.

Об успехе выступлений И. А. Федосовой можно судить по весьма характерному факту. По первоначальной договоренности с администрацией выставки она должна была пробыть в Нижнем Новгороде с 9 по 23 июня. Однако 26 июня газеты сообщили: «Известная олонецкая «вопленица» Ирина Федосова, как мы слышали, по желанию администрации Всероссийской выставки останется еще на месяц в Нижнем Новгороде. Она выступит несколько раз в выставочном концертном зале». Вспоминая об этих днях, П. Т. Виноградов писал, что Федосову за это время слушало более четырех тысяч человек.

Особенно широко освещены были в тогдашней печати выступления, состоявшиеся 9 и 11 июня 1896 года. Первое из них приобрело особенную известность. В этот вечер среди слушателей был А. М. Горький. Он не только познакомился с И. А. Федосовой, но и написал о ней два замечательных очерка, опубликованных в газетах, которые он как журналист представлял на выставке. Очерки эти несомненно принадлежат к числу наиболее выдающихся изображений народных исполнителей в мировой литературе.

Об этих очерках Горького и об его встрече с И. А. Федосовой писалось много. О них постоянно упоминают исследователи творчества Горького, истори-

ки русской журналистики конца XIX века, фольклористы. Мы коснемся здесь только тех сторон этого события, которые нам особенно интересны для понимания значения публичных выступлений И. А. Федосовой и их восприятия выставочной публикой.

По замыслу правительства Первая всероссийская художественно-промышленная выставка должна была превратиться в торжественную демонстрацию результатов небывалого еще в России промышленного подъема. Над выставкой шефствовал премьер-министр С. Ю. Витте, после коронации должен был приехать Николай II. Для подвоза гостей к выставке была построена специальная железная дорога. Ко времени выставки была приурочена не только ежегодная Нижегородская ярмарка, но и первый Всероссийский торгово-промышленный съезд. Он должен был собрать крупнейших предпринимателей и торговцев во главе с Морозовым. Вместе с тем на выставке демонстрировались достижения народных художественных промыслов.

А. М. Горький побывал на выставке в качестве корреспондента двух газет — «Нижегородского листка» и «Одесских новостей» — и вскоре занял весьма скептическую позицию. Он говорит о катастрофическом неуспехе выставки, о превращении ее в гигантскую витрину, всероссийскую рекламу, «универсальную лавочку». Наряду с техническими достижениями посетителям демонстрировались нелепая колонна из стеариновых свечей два аршина в поперечнике и восемь аршин высотой, бюсты четырех императоров из мыла, ворота из гигантских бутылок вин трех «имперских цветов» и т. д. Горький противопоставляет безудержной рекламе требование показать условия труда рабочих. «Кто эти художники?» — спрашивает он об екатеринбургских гранильщиках. «Очень хочется знать, — пишет он в другой статье, — кто, чем и как вытащил из земли эти десять тысяч пудов золота и дал государству за тридцать

лет почти 300 000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы? Как они это делают и как при этом поживают?» Тезису о «союзе труда и капитала» он противопоставляет демонстрацию фактов, свидетельствующих о враждебности предпринимательства и наживы искусству, как профессиональному, так и народному. «Русская песня,— пишет он в одном из очерков,— уже является редкостью в деревне... то же самое творится с русским рисунком, со старым русским орнаментом. Обратите внимание на рисунки кружев, много ли среди них истинно русских, и посмотрите, как вышиты рубахи деревенских парней и фартуки девушек. Я видел на одном парне рубаху, на груди которой была вышита реклама фабрики Асмолова, на другой рубахе по подолу были вышиты модели, тоже, очевидно, с какой-то рекламы». Он говорит об уродливости выставочных павильонов, о курьезном эклектизме их стиля от «сусального пряника» до «рококо-знай наших». Искусство, соответствующее стилю всей выставки,— это не Малый театр, не опера Мамонтова, не симфонический оркестр под управлением Главача, которые были приглашены на выставку так же, как и Федосова, а кафешантанное шансонье Омона. Поэтому, описывая выступления Федосовой в очерке для «Нижегородского листка», он подчеркивает прежде всего ее чужеродность выставочной публике. «Маленькая, хромая, вся в морщинах, с серебряной головой, она как-то выкатилась, а не вышла на эстраду, и выставочная публика, привыкшая видеть перед собой артистов, корректно одетых, с элегантными жестами, импозантных, с эффектами шика во всей фигуре, от прически до конца ботинок,— публика была изумлена, видя перед собой эту хромую старушку в ситцевом платье и белом ситцевом платке на голове». И в конце очерка: «Она сидит задумчивая, тусклая; вне своей старины, среди этих странных зда-

ний, блеска и всякой вычурности костюмов и зданий, так далеких от истинно русского — ей очевидно неловко, не по себе». Так же передаются и впечатления от пения И. А. Федосовой: «Но этот возглас так оригинален, так не похож на все кафе-кабацкое, пошлое и утомительно однообразное в своем разнообразии — на все то, что из года в год слушает эта пестробрючная и яркоюбочная публика, воспитанная на родоно-омоно-тулонских былинах, что ее как-то подавляет этот задушевный голос неграмотной старухи». И, наконец, цитированное во всех хрестоматиях: «А вопли,— вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле,— все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций — да! — но полных чувства, искренности, силы — и всего того, чего ныне нет, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания». И так кончает свой рассказ о Федосовой: «Храните старую русскую песню, в ней есть слова для выражения невыносимого русского горя, от которого мы гибнем в кабаках, в декадентстве, в скептицизме и других смутах отчаяния». В другом очерке несколько подробнее говорится о самом пении: «В зале раздался задушевный голос, говоривший старинную народную былинку о Добрыне... На публику повеяло седой стариной, поэзией русского народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просит-молит Добрыня свою матушку отпустить его во чисто поле; жалко матери расставаться с ним. Федосова подчеркивает сильные места диалога жестами, вдохновляется, вся горит, привстает со стула и наклоняется к публике, как бы желая внятнее и ярче рассказать ей о старине, полной кипучих сил и бога-

тырской удали, полной любви к свободе, искания подвигов». Горькому очень важно, что песни, былины и причитания Федосовой способны тронуть даже далекую от простоты и естественности человеческих переживаний выставочную публику: «Публика аплодирует, хотя это в большинстве своем публика, ищущая легких развлечений, но и ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ее изложения и новая ей, публике, мелодия... Кончено. Около Федосовой толпа, ей жмут руки, говорят «спасибо».

Отметим еще одно обстоятельство, весьма интересное в историко-культурном отношении. В мае 1896 года за несколько недель до открытия Нижегородской художественно-промышленной выставки в Петербурге и Москве состоялись первые в истории России киносеансы, или, как тогда говорили, «сеансы синематографа Люмьера». В числе ярмарочных развлечений и «чудес XX века» на выставке оказалось и кино. Характерно, что оно рекламировалось весьма шумно как удивительная техническая новинка («движущаяся фотография»), но на выставке нашло свое место не в техническом отделе, а в составе вечеров в «кафе-концерте» Омона. Великий художественный кинематограф был еще впереди, его будущее только угадывалось. В отзывах о первых киносеансах В. В. Стасова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького удивление и надежды переплетаются с горечью признания того, что синематограф, не успев родиться и стать массовым искусством, был тут же захвачен коммерсантами («жабой-торгашом»). Интересно отметить, что в Нижнем Новгороде в 1896 году произошла встреча крупнейшей представительницы самого массового искусства прошлого — фольклора — с массовым искусством будущего — кино. В 1896 году они еще не могли конкурировать. Мало кто из посетителей вечеров Федосовой и сеансов синематографа Люмьера в Нижнем Новгороде предугадывал будущую судьбу

и фольклора, и кино, которое в ближайшие десятилетия должно было только выявить еще свои достоинства и недостатки. Однако встреча их уже произошла. Встреча уходящего искусства и искусства будущего.

Впоследствии А. М. Горький много раз вспоминал о встрече с Федосовой в 1896 году в очерке «На краю земли», посвященном новой Карелии, в письме к селькору А. Агапкиной в 1929 году, в письме к Сергееву-Ценскому, в письме к издателю К. П. Пятницкому. Однако наиболее значительное свидетельство прочности его воспоминаний и того значения, которое он придавал ее выступлениям и своей встрече с ней, — страницы, посвященные И. А. Федосовой в «Жизни Клима Самгина». В «Заметке для печати» Горький писал о своем романе: «Автор вводит в ряд эпизодически действующих лиц: царя, Николая II, Савву Морозова, некоторых художников, литераторов, что, по его мнению, и придает роману отчасти характер хроники». Горький заставил своего героя Климата пережить все более или менее типичные события политической, экономической и культурной жизни России с конца 70-х годов XIX века до 1917 года. Среди исторических лиц в романе оказалась олонецкая сказительница, а среди важных или по крайней мере характерных событий — встреча героя романа с Федосовой в выставочном зале в 1896 году. «...Самгин почувствовал, что никогда еще не был он таким хорошим, умным и почти до слез несчастным, как в этот странный час, в рядах людей, до немоты очарованных старой, милой ведьмой, явившейся из древних сказок в действительность, хвастливо построенную наскоро и напоказ».

После выступлений на Всероссийской художественно-промышленной выставке И. А. Федосова вернулась в Петербург и поселилась на два с половиной года в доме Третья Ивановича Филиппова. Об этом периоде ее жизни мы знаем очень мало. Известно только, что Филиппов принимал деятельное участие в подготовке

нового сборника Федосовой, о котором мы уже говорили и который, к сожалению, бесследно пропал. Весной 1899 года И. А. Федосова почувствовала себя нездоровой и решила вернуться в деревню Лисицыно Кузарандской волости, к родным. Здесь она разболелась еще сильнее и 10 июля 1899 года умерла. Ее похоронили на кладбище при Кузарандской церкви у деревни Юсова Гора на берегу Онежского озера.